

Майя Кучерская

**ПРИХОДСКИЕ
ИСТОРИИ:**

*вместо
проповеди*

Майя Александровна Кучерская

Приходские истории: вместо проповеди (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6496847*

*Кучерская, Майя Александровна Приходские истории: вместо проповеди : [роман, рассказы, эссе]:
АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-078982-5*

Аннотация

Майя Кучерская – прозаик, литературный критик, профессор Высшей школы экономики, колумнист газеты «Ведомости». Автор романа «Тётя Мотя» (лонг-лист премии «Национальный бестселлер»), биографии великого князя Константина Павловича в серии «ЖЗЛ», сборника притч и «приходских историй» «Современный патерик: чтение для впадших в уныние» («Бунинская премия») и романа «Бог дождя» (премия «Студенческий Букер»).

В одном из интервью Кучерская сказала: «Нужно писать, руководствуясь любовью». О жизни русской православной церкви она так и пишет, но – без придыхания и напыщенности; о христианских ценностях говорит, не проповедуя и не призывая.

Мягкий юмор и самоирония пронизывает собрание историй, анекдотов и притч о батюшках, матушках, монахах и мирянах, и предельно откровенную историю отношений новообращенной девушки и ее духовного отца, обретения веры и постижения себя. «Вместо проповеди» – прямые размышления о «вечных ценностях»: о счастье, благодарности, прощении...

Содержание

Современный патерик	7
Цикл первый	8
1	8
2	8
3	8
4	8
5	8
6	8
7	9
8	9
9	9
10	9
11	9
12	10
13	10
14	10
15	10
16	11
17	11
18	11
19	11
20	12
21	12
22	12
23	12
24	13
25	13
26	13
27	13
28	13
29	13
30	13
31	14
32	14
33	14
34	15
35	15
36	15
37	16
38	16
39	16
40	16
Цикл второй	18
Писательница	18
Артист	19
Массажистка	20

Верующий	20
Правильный выбор	20
Посещение божие	21
О пользе психологии	22
Неумеха	22
Благое попечение	23
Постник	23
Исцеление	23
Диалог о пользе смирения для души, потерявшей рай	24
Кукареку	24
Подвижник	24
Домик в деревне	25
Мастер	26
Цикл третий	28
Главное	28
1	28
2	28
3	28
4	28
5	28
6	29
7	29
Отец Николай	30
1	30
2	30
3	30
4	30
5	30
6	30
7	31
8	31
9	31
10	32
11	32
12	32
13	32
14	32
Отец Тихон	33
1	33
2	33
Цикл четвертый	34
Лакомка	34
Весельчак	34
Победа православия	34
Дубовичок	37
Древо познания	37
Все волосы сочтены	38
О любви	39
Отец Павел	39

1. Какой он был	39
2. Молога	40
3. Медовая радость	40
4. Кормилец	40
5. Остановка «Отец Павел»	41
6. Духовная академия	41
7. Телевизор	41
8. Монахи не унывают	41
9. Комплексный обед	41
Цикл пятый	43
Супермен	43
Затвор	44
Сеанс	44
Летчик	45
Братец Иванушка	46
Пень	46
Прозорливец	47
Отец Митрофан	48
1	48
2	48
3	48
4	49
5	49
6	49
7	49
8	49
9	50
10	50
11	50
12	50
13	50
14	50
15	51
16	51
17	51
18	52
Детолюбие	52
Безвозвратное	52
Потерянный рай	54
Чего человеку не хватает, или Не самый плохой праздник	55
Сны отца Валерия	57
1	57
2	57
3	57
Елочки	57
Отец Артемий	58
Неожиданная встреча	59
Отец Александр и стихотворцы	59
Свет миру	59

Самый красивый	59
Об идиотах	59
Не старец	60
Идеже несть болезни	60
Отец Мисаил	60
Пастырь добрый	60
Цикл шестой	62
Красота спасет мир	62
Метаморфозы	64
Гомеопат	66
Убийцы	66
Улица Мандельштама	67
Цикл седьмой	68
Матушка Георгия в мире животных	68
О милости божией	68
Сладкая жизнь	69
Царевна-лягушка	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Майя Кучерская

Приходские истории: вместо проповеди (сборник)

Современный патерик

Уже несколько лет из самых разных концов России мне приходят истории о батюшках, матушках, мирянах и архиереях со скромными приписками: может быть, Вам пригодится, только имени, пожалуйста, не называйте. Не назову. Еще и потому, что настоящий патерик (сборник рассказов из жизни христиан и мудрых изречений) – жанр совершенно серьезный и документальный. Для верующего человека нет сомнений, случались ли события, описанные, например, в Киево-Печерском патерике, на самом деле – конечно, да. И цели у подобных патериков высокие – привести человека к Богу.

Этот сборник следует числить совсем по другому ведомству – ведомству изящной словесности. Да, отдельные исторические персонажи в «Современном патерике» присутствуют, и все они, кстати, названы своими именами, но даже про них автор рассказывает небылицы. И как не поверни, «Современный патерик» – художественная проза. Изредка вытканная по реальной основе, чаще – нет. Так что тем, кому во что бы то ни стало захочется разыскать в отдаленной российской губернии норку православного ежика или попробовать яблоки из чудесного сада, выращенного ангелами, боюсь, придется нелегко.

Отдельно обращаюсь и к тем, кто не разглядит надежды на дне самых печальных историй, кого ранят батюшка-людоед и мама-убийца, а ученые речи о литературной условности, законах пародии и сатиры только разгневают: прежде чем бросить книжку в огонь (с предыдущими изданиями «Патерика» случалось и такое), имеет смысл, прочитать последнюю главу. Обещаю, станет легче.

И признаюсь чистосердечно: сама возможность нашего общения – для меня огромная радость и ощущение невероятного простора. Столько людей живет на белом свете, и вот эти совершенно незнакомые люди, в Петербурге, Москве, Киеве, Томске, Милане, Торонто, Бостоне однажды открывают твою книжку. Читают, смеются, соглашаются (спорят) с тобой. Еще вчера мы друг друга не знали – и вдруг знакомы. Происходит это чудо встречи. Всем за него сердечная и по-прежнему удивленная благодарность. Приятного чтения.

Ваш Автор

Цикл первый

Чтение в рождественский пост

1

Трапезовали. Вдруг отец Феопрений полез под стол. И залез, и сидел там среди грубо обутых ног братии. Ноги не шевелились. Тогда Феопрений начал лазать и дергать всех снизу за рясы. По смирению своему никто не упрекнул его. Только один новоначальный инок спросил с изумлением: «Отче! Как прикажешь понимать тебя?»

– Хочу быть как дитя, – был ответ.

2

Старец, о котором известно было, что он прозорлив, поручил послушнику срубить тополь, росший прямо посередине монастыря. Послушник, желая постичь прикровенный смысл просьбы, сказал: «Батюшка, а зачем его рубить-то?»

– Лергия замучила, внучок. От тополиного пуха, – ответил старец и чихнул.

– Будьте здоровы, – сказал послушник и побежал за электропилой.

Ибо обладал даром рассуждения.

3

Отец Стефан дернул брата за бороду.

– Ой-ой-ой! – закричал брат.

– Ты же молчальник, – изумился Стефан.

– Ну и что же, – сказал брат. И горько заплакал.

4

Один инок премного унывал. Никакие средства не могли его исцелить. Тогда братия подарила ему на именины заводную машинку. Машинка умела сама поворачивать, библиковать и мигать фарами.

– Ух ты, машинка! – воскликнул инок.

С тех пор он не унывал никогда в жизни. Каждый день перед сном он нагружал в кузов машинки камешки, заводил ее и смотрел, как она едет по келье, сама поворачивает, мигает фарами и тихо библикует.

5

Братия спросила старца:

– Скажи, отец, где лучше строить нам сарай для дров? Поближе к забору или рядом с банею? А может быть, за воротами?

– Где хотите, – отвечал старец.

6

Отец Иегудил облился гороховым супом.

– Слушай, Вася, постирай-ка мою рясу, – сказал он одному недавно поступившему в монастырь послушнику.

– Да я не умею стирать, – возразил Вася. И засмеялся.

– Вот и научишься, – ответил отец Иегудил. И засмеялся еще громче.

7

Пошла раз братия в лес погулять. Только начали гулять, как вдруг отец Иаков потерялся.

– Яша, Яша! Ау! – стала кликать его братия. Но в лесу стояла тишина. Только звонко куковала кукушка и подрастали под елками грибы.

– И почему он не откликается? – размышляла братия. – Может быть, он ушел в затвор? Или принял обет молчания?

А отец Иаков залез на высокое дерево, притворился кукушкой и смотрел сквозь листья, как его ищут. И смеялся, и куковал!

8

Отец Гаврюша был очень толстый и хрюкал во сне. Один новоначальный инок не был знаком с монастырскими порядками и, услышав хрюканье, стал бегать по монастырю и искать поросенка. Прыгал по кроватям, пихал палкою в темные углы, даже залез на крышу и покидал камешки в водосточную трубу. Так и не нашел.

9

Инок Степаненко так усердно молился всю ночь, что расшиб себе лоб. Наутро товарищ спрашивает его:

– Что это, Степаненко, у тебя шишка на лбу? А вчера не было. Наверное, молился всю ночь?

– Да нет, это я просто упал.

– А я думал, молился всю ночь!

– Да нет, это я просто упал.

– А я думал...

– Да нет, это я просто упал.

– А не знаешь, как наши с канадцами сыграли?

– Да нет, это я просто упал.

10

Некоторый брат перестал вкушать пищу.

– Почему ты ничего не ешь? – спросили его соседи по келье.

– А я постник, – объяснил брат.

– Да, но так ты скоро умрешь с голоду.

– Да? – отвечал инок. – Умру с голоду?

И, подивясь рассудительности их, стал есть, получив назидание.

11

Один инок пришел к старцу жаловаться на другого.

– Он очень плохой! – сообщил инок старцу. – Сколько раз собственными глазами я видел, как совершал он тяжкие прегрешения.

Старец же перевязал грязной и вонючей тряпицею глаза брату, сказав ему:

– Накажем двух негодников – пусть созерцают и обоняют теперь душу своего хозяина.

– Подобна ли душа моя этой гадости? – спросил брат.

– Много хуже, я просто тебя пожалел!

С той поры брат, видя кого согрешающим, немедленно приближал к лицу смердящую тряпку, которую всегда хранил теперь при себе, и получал утешение.

12

Однажды в монастырь заехали участники Всемирной конференции и за трапезой начали угощать братию колбасой, привезенной из Финляндии.

Братия нарочно отворачивалась в другую сторону, чтобы не видеть и случайно не съесть. Один старец ужасно обрадовался.

– Вот удружили старику, вот вельми, вот зело!.. – приговаривал он с набитым ртом. А сам все ел, ел, ел. И съел всю колбасу из Финляндии.

Очень удивлялась Всемирная конференция.

13

Старец одной святой обители, желая показать гостям из дальних стран, какого послушания достиг его келейник, подозвал его и, указывая на рыжую дворняжку в монастырском дворе, сказал:

– Видишь, брат Иоанн, что творится! По монастырю разгуливает волк!

– Как бы он не передушил наших кур. Не принести ли ружье? – отвечал Иоанн.

Гости же из дальних стран захлопали от восхищения в ладоши.

14

Увидев у своей кельи толпу страждущих мирян, отец Паисий бросился бежать. Резво кинулись за ним страждущие, кто-то схватил было его за кончик мантии, да упустил.

Долго бегали они так за непослушным духовником, помяли уже две монастырские клумбы, но догнать не умели и до того расстроились, что пошли жаловаться на отца Паисия игумену.

Игумен же, выйдя на крыльцо, поманил отца Паисия толстым пальчиком и говорит ему на ухо:

– Что ж ты, братец, бежишь от своих духовных чад, а?

– Не от них, отец, но от духа тщеславия, – отвечал запыхавшийся отец Паисий.

15

Один брат пришел к старцу посетовать на свою тяжелую жизнь. Когда же старец стал давать ему мудрые советы, как ему быть, брат отвечал на все: «Нет, этого я не смогу, и с этим не справлюсь, и того не сумею».

– Эй, Леха, – позвал тогда старец своего келейника, – приготовь-ка этому манной кашки. Он очень слаб.

16

Отец Доримедонт объелся шоколадом. Шоколад ему прислала в посылке мама, и, идя с почты, отец Доримедонт потихоньку случайно всё съел.

Вечером он лежал, держась за живот, и не мог уснуть. Братия, жалея его, водила вокруг его кровати хоровод и пела монастырскую колыбельную. Но отец Доримедонт по-прежнему был уныл.

– Глядите, он держится за живот, – заметил один из иноков. – Наверное, заболел от подвижничества. Принесу-ка из холодильника шоколадку, чтобы сделать ему утешение!

– Только не это, – простонал отец Доримедонт с ужасом. – Дай мне лучше глоток подсоленной воды.

Услышав это, братия подивилась образу его жизни и увеличила пост.

17

Инок Амвросий, исполнявший послушание в трапезной, после окончания братской трапезы сел за стол и, достав из тайника глазированные сырки, начал поглощать их один за одним.

В этот момент другой инок вошел в трапезную и увидел вкушавшего сырки брата.

– Прости, отче, что напоминаю тебе! – заметил вошедший инок. – Но нынче день строгого поста, ибо сегодня Рождественский сочельник.

Отец Амвросий в изумлении поднял глаза на говорившего, и его тут же вырвало.

18

Брат Антоний соскучился и решил жениться. «Я женюсь!» – сообщил он братии. Братия же по любви к нему не хотела отпустить его одного в грешный мир и постановила пойти с ним вместе, дабы разделить его участь. Старец же в ту пору уехал на Всемирную конференцию, и посоветоваться было не с кем.

Собрались монахи у ворот, перекрестились на прощанье на храмы, а тут и старец входит в калиточку – вернулся с конференции.

– Благослови, батюшка, в последний раз, идем в мир жениться! – с плачем обратилась к нему братия.

– Бог благословит, ребятки, да только... – Старец замялся.

– Что? Скажи нам!

– Бабы – такие ...!

В тот же миг иноки разбежались по кельям.

19

Некий брат впал в искушение и, придя к старцу, сказал:

– Отче, я понял, что Бога нет, и уйду из монастыря.

Старец заплакал и сквозь слезы отвечал:

– Чадо, чадо мое! Ты так ничего и не понял. Иди куда хочешь.

Инок же остался.

20

Брат пришел к авве Аверкию и сказал ему:

– Я такой ленивый, что тяжело мне даже подняться, чтобы идти на послушание. Каждый день для меня каторга, и чувствую, что скоро я совсем надорвусь от труда и самопринуждения.

– Если так тяжело ходить тебе на работу, – отвечал авва, – не ходи. Оставайся в келье и горько оплакивай свою леность. Да рыдай погромче! Увидев, как горько ты плачешь, никто не тронет тебя.

21

Рассказывали про авву Аверкия, что часто он натыкался на стены и разные предметы, имея много синяков на теле и даже лице, ибо ум его был занят созерцанием.

22

Брат Дукикий спросил авву Пахомия:

– Отче, не знаю, как вести себя с братией в нашей общей келье и за трапезой. Всё, что ни сделаю, всё не так, и превратился я, того не желая, в клоуна. Братья постоянно смеются надо мной и говорят обо мне за моей спиной насмешливо.

Авва Пахомий отвечал ему:

– Ничто так не огорчает и не соблазняет брата, как непохожесть одного на других. Если же постараться не отличаться от живущих здесь, увидишь, как смирение обнимет твою душу, и никто более не беспокоит тебя.

23

Один брат, пребывая в глубокой скорби, жаловался отцу Пахомию:

– Батюшка! Каждую ночь меня жестоко мучают бесы. Только лягу спать, закрою глаза, и вдруг так захочется курицы! Жареной, с корочкой, вокруг золотая картошечка, укропчик. Или не курицы, а просто рыбы. Финской красной рыбы с белым хлебом и маслом. Или встану на молитву, а самому смерть как хочется покурить, выкурить всего одну сигаретку. Ну, и запить чарочкой вина. Кажется, будто все силы ада, все бесы ополчились на меня...

– Браток! – отвечал, посмеиваясь, старец. – Ну какие же это силы ада, какие бесы! Бесы мучили древних отцов, пустынников, праведников и преподобных. А мы... На нас еще дьяволу тратить силы. Так что это не бесы. Это просто твои желания. Для победы над ними не нужно даже подвигов. Не нужно даже быть монахом.

– Что же нужно, отче честный?

– Сила воли, родной, сила воли. А чтобы закалить ее, каждое утро отжимайся по десять раз и обливайся холодной водой. И довлеет ти.

– А молитва Иисусова? А земные поклоны?

Но старец ничего не отвечал более вопрошавшему брату, сказав, что продолжать беседу ему недосуг.

24

Отец Платон говорил: «Наступило время великого расслабления и немощи. Мы не способны ни на что и ничего не можем. Давайте хотя бы признаем это. И да помилует нас Всемилостивый Владыка».

25

Новоначальный инок спросил отца Платона:

– С чего лучше начать путь ко спасению?

Он же отвечал:

– Позвони уже маме.

26

Еще говорил: «Только не надо изобретать велосипеда».

27

Еще: «Нельзя веровать сквозь зубы».

28

Женщинам говорил: «Каждый день вари себе овсяную кашу. В кипящую воду страстей бросай крупу добрых дел; осаливая ее молитвой и улащая любовью к ближнему, помешивай лжицей рассудительности. Бог даст, к вечеру обретешь себе немного подходящей пищи».

Мужчинам же говорил: «Заряжай аккумулятор почаще, а то скоро не заведешься совсем. Тогда не поможет никакой “Ангел”».

29

Одному инок явился Ангел.

– Ангел? – поразился инок.

– Ангел, – отвечал Ангел.

– А вдруг ты не по правде и притворяешься? – вострепетал брат и перекрестился. – Вдруг ты просто белая птица?

– Что ты! Я по правде. Хочешь, на, потрогай. – И Ангел протянул ему сияющее крылышко.

Инок же, желая коснуться его, вместо перьев щупал пальцами только воздух – крылышко было самое настоящее, ангельское!

30

Сказывали об отце Иеремии, что при нем состоял специальный келейник, который каждый час менял авве носовые платки – так много тот плакал.

31

Один послушник был очень чувствителен и часто проливал во время служб обильные слезы. Братия прозвала его плаксой.

32

Два брата поссорились. Послушниками они жили душа в душу, но после нескольких лет безмятежного жития их рукоположили – одного, потом и другого. А инокам в этом монастыре полагалась отдельная келья. Братьям предстояло разъехаться. Всё, что у них было, они разделили поровну, только никак не могли поделить видеомэгнитофон. Отцу Геннадию его подарили, зато отец Мефодий его чинил, два раза на собственной машине возил в ремонт, не говоря уже про фильмы, которые тоже в основном покупал сам. Из-за видеомэгнитофона братья чуть не подрались. В гневе они даже забыли про телевизор. И отправились к старцу.

– Отче! Рассуди нас, – бросились они в ноги к авве Михею. – Никак не можем поделить видеомэгнитофон, попросту видик. Одному его подарили, другой его чинил и покупал к нему видеокассеты, чей же он теперь?

Авва же спросил:

– А что, есть у вас хорошие фильмы?

– Целый короб! – отвечали братья.

– И «Москва слезам не верит»?

– Да, отче!

– И «Служебный роман»?

– И он.

– А боевики со Сталлоне?

– И боевики.

– Все ясно, – отвечал авва. – И видик, и кассеты немедленно несите ко мне в келью, не забудьте прихватить и телевизор. Как только решу посмотреть, позову вас в гости, будем смотреть втроем.

Утешенные братья поступили так, как заповедал им старец. И телевизор, и видеомэгнитофон, и коробку с фильмами они сложили у него в келье.

– Нужно ли подключить? – спросили старца братья.

– А вот это, ребятки, я сам, – отвечал старец и, благословив, отпустил их с миром.

Но с тех пор старец так ни разу и не позвал их, братья же не решались напомнить ему о давнем его обещании.

33

Послушница Екатерина получила письмо. Прочитав на конверте обратный адрес, Катя чуть не закричала: «Денис, Дениска Гришаков!» Тот самый, что делал ей предложение всего полгода назад. Тот самый, которому она предпочла монашество. Глубокая печаль и тоска по Денису немедленно охватили Катину сердце. И она отправилась к старцу.

– Вот, – сказала она авве, – в миру Денис Гришаков сделал мне предложение, но я отказала ему, ушла в монастырь. А вчера он прислал письмо, только я боюсь его раскрывать, такая тоска на сердце. Вдруг он зовет меня обратно?

Отец Андриан положил руку на письмо и тут же заулыбался.

– Раб Божий Дионисий, великое счастье посетило тебя! Как тяжело пришлось бы тебе, если бы Катя стала твоей женой! Слава Богу, что этого не случилось, – обратился батюшка

уже к Кате. – Старайся теперь для Господа, старайся как для любимого, с которым и в шалаше рай, и ничего больше не нужно, только бы быть рядом.

– Как же я буду для Него стараться? – удивилась Катя. – Дениса я хотя бы видела, гуляла с ним за ручку, а Бога не видела никогда.

– А ты помогай сестрам, будь с ними ласкова, и тогда скука тебя оставит, а любовь к единственному Твоему Жениху начнет расти. Письмо же отдай мне, но день сегодняшний запомни, ровно через год приходи, почитаем, что он там написал.

Катя отдала батюшке письмо, он положил его в нижний ящик своего стола, только прочесть письмо ей так и не довелось: спустя несколько месяцев батюшка занемог и умер – где уж тут искать давнее письмо. Ровно же через год с того заветного дня от приехавших в монастырь знакомых Катя узнала, что Денис женился.

34

Отец Иоанн куда-то засобирался. Отнес библиотечные книги в библиотеку, постирал носки, заштопал все дырочки на рясе, вычистил ботинки.

– Уж не бежать ли ты собрался? – поинтересовалась у него братия. – Уж не домой ли, к матушке с батюшкой?

– Туда, – признался отец Иоанн с улыбкою. – Везде хорошо, а дома лучше, – добавил он и в ту же минуту испустил дух.

35

Старец гулял около монастыря в лесу. Вдруг смотрит – на дороге стоит девочка с котенком в руках и горько плачет.

– Почто плачешь, чадо?

– Вот, дедушка, котенок мой сорвался с дерева и помер.

– Этот, что ли? – спросил старец, тыкая пальцем в мертвого кота.

– Этот, – кивнула девочка и зарыдала еще громче.

– Да он же просто притворяется! А ну, отвечай: кис-кис-кис, ты ловить умеешь крыс? Животное не шевелилось.

– Ах так! – рассердился старец. И, выпучив глаза, закричал: – Ну тогда я тебя сейчас съем!

Котенок так напугался, что от страха воскрес, жалобно замыкал и спрятался к девочке за пазуху.

36

Матери Феодосии поручили ухаживать за курицами. Женщина с высшим филологическим образованием, Феодосия прежде курочек только ела и справлялась с обязанностями плохо, претерпевая большие скорби.

Как-то раз игуменья в очередной раз громко ругала Феодосию. Как вдруг раздалось кудахтанье – серый волк, схватив курицу, убежал прочь.

– А ну-ка, догони его да принеси курицу обратно! – вскричала игуменья сердитым голосом. Феодосия бросилась за волком.

– Именем Господа Моего отдай! – закричала она страшному зверю. – Отдай немедленно!

Напуганный волк, видя, что за ним гонятся, повернулся и выпустил добычу. Феодосия подняла курицу и отнесла ее в курятник.

Сильно помятая, но живая, курица к вечеру совершенно оправилась. А наутро снесла золотое яичко.

– Вот, сестры, вкусите от плода послушания, – сказала матушка игуменья, показывая яичко на трапезе. Но никто не мог разбить его. По некотором размышлении сестры поместили его в монастырский Музей Чудес.

37

Про отца Феофана, долгие годы жившего отшельником в дремучем лесу, говорили, что если находил он мертвого зверя или птицу, то хоронил их по христианскому обряду, служил панихиду об упокоении «усопшей твари» и не забывал ставить на могиле крестик, сбитый из двух сучков.

38

Зима выдалась бесснежной. Стоял канун Рождества, а снег так и не выпал.

Скитоначальник одного небольшого скита отправился в дальнюю пустынь к старцу-отшельнику. Провидя духом, для чего тот пришел, отшельник вышел к нему и принял его с радостью.

– Праведный отче! – начал жаловаться скитоначальник. – Через два дня наступит Рождество, а у нас до сих пор нет снега. Братия унывает. Точно малые дети, иноки повторяют, что без сугробов и снега и Рождество не Рождество. Прости, отче, и скажи, как быть!

– Почему же вы не помолились и не попросили Бога?

– Молились и просили не один раз, но вот – ни снежинок.

– Может быть, вы плохо молились? Хочешь ли знать, что это так?

Тут старец простер руки к небу и начал молиться. Через несколько минут на ясном небе собрались темные снеговые тучи, и повалил снег. Скитоначальник в ужасе пал на лице свое и поклонился старцу. Но когда поднялся, старца уже не было рядом – он убежал в лес.

39

Пасха наступила в конце апреля. Всю ночь отшельник Феофан молился, а под утро услышал, что в окна к нему стучат клювами птицы. Он вышел на улицу. На поляне перед его избушкой собрались все лесные звери – медведи и волки, лисицы и зайцы сидели рядом и сквозь прозрачные сумерки глядели на него.

– Христос воскрес! – проговорил старец и, склонясь к мохнатым мордам, похристосовался с каждым. Затем обнимал по очереди все деревья вокруг, целовал стволы и всё повторял: «Христос воскрес! Христос воскрес!»

– Воистину воскрес! – звучало в ответ.

40

Едва брат Даниил поступил в монастырь, как тяжело заболел. Братия же, зная о его несправедливой прошлой жизни, молила Бога, чтобы он не умер, а еще пожил вместе с ними и имел время для покаяния. Однако вскоре Даниил перестал подниматься и был уже на пороге смерти. Братия пришла к нему попрощаться. Он долго не откликался, молча лежал с закрытыми глазами. Но внезапно очнулся:

– Что это – Пасха, братие?

– Какая Пасха, Данилушко! На дворе февраль, ты не слышишь, как завывает вьюга?

– Я слышу пение, – отвечал Даниил. – Разве это не вы поете «Христос воскрес»? И откуда этот свет? – спрашивал он.

Иноки же молчали, не зная, что и подумать.

В ту же ночь Данила умер. Метель улеглась, а снег по-прежнему крупно, часто падал. Укрыл весь монастырь, все дорожки, все крыши и только с золотых скользких куполов слезал, полз мягкими комьями.

Цикл второй

Чтение для вкусивших сладость истинной веры в недавнее время

Писательница

Жила-была одна девушка. Оканчивала Литературный институт. И надо ж такому приключиться – влюбилась. Юноша тоже пописывал стишата, сочинил даже драму в четырех действиях, но главное, ходил в церковь. Слово за слово, влюбленную девушку юноша обратил. Всего месяц походили они вместе на службы, почитали друг другу стихи. Как вдруг юноша получил приглашение из Швейцарии. Там у него обнаружили родственники, которые и вызвали его к себе на вечное поселение.

А девушка осталась в Москве, просвещенная светом истинной веры. С горя она стала писать еще больше. Писала она в основном прозу, работала в малом жанре – рассказы, новеллы, очерки, редко когда повесть сочинит, но всё с одной лишь тоски. И вот покаялась она однажды батюшке: «Эх, батюшка, бросил меня любимый, и пишу я с горя прозу!»

– Ну что ж, – отвечал батюшка, – дело житейское, грех небольшой, всё в жизни бывает, только не публикуй.

– Да как же, – возражает девушка, – мне вроде и предложили уже напечататься в журнале «Юность», поскольку я еще юная.

– Мысль, – говорит батюшка, – неплохая в принципе. Но только сначала ты принеси это мне. Я прочитаю и тебя благословлю.

Девушка согласилась, приносит. А батюшка хоть сам по мирскому своему образованию и был биологом, но почитать, полистать книжечки любил. Читает это батюшка девушкины рассказы, и аж слеза его прошибает! Талант у девушки. Хорошо пишет! Только неправо-славно. Любовь опять же плотскую, душевную, страдания всякие сердечные описывает – земное одно, словом, нету, как бы это получше выразиться, правильного у нее направления, святой церковью нашей она вроде и брезгует – даже не поминает ее! Сказал это батюшка девушке и наказал, как что напишет, и дальше ему приносить. А с журналом «Юность» договор пока что расторгнуть.

Девушка была начитанная, послушание проявить знала, что положено, расторгла договор. Дальше рассказы пишет, юношу своего, швейцара, не то чтоб забыла, но сильно поблек уже образ его, и новый воссиял образ – батюшкин! Во всем его девушка слушается, рассказы ему приносит, он их читает, вот вроде чуть побольше стало божественного, появились верные образы, хвалит ее, поправляет даже кое-что карандашиком, еще немного, говорит, и публиковаться начнем. Еще немного, думает девушка, и публиковаться начнем.

Тут она как раз встретила того знакомого из журнала «Юность», правда, теперь он в другом работал журнале. Прочитал ее рассказ-другой и намекнул, что писать она стала хуже, слишком уж «нестандартно», – возможно, имея в виду, что девушка несколько спятила. Так прошло три года, потом еще два, потом четыре, началось совершенно новое тысячелетие, и девушка вроде б постарела уже, стала как-то горбиться некрасиво. Нет мне, говорит, в жизни счастья, дело даже не в публикациях, просто нет, и всё. Не хватает мне чего-то. Может, самореализации, может, славы, может, детей, а только миру я не нужна. Ну, и того-с. Утопилась в Москва-реке.

Батюшка отпевал ее.

Дорогие братья и сестры! Какой делаем вывод из этой истории? Девушка была психически ненормальная.

Артист

Один мальчик пошел с мамой в театр. И театр его поразил. Артисты были там как настоящие животные, и всю неделю потом мальчик этих животных изображал. Потому что называлось представление «Маугли». А через неделю мальчик снова запросился на тот же спектакль. Что ни сделаешь для любимого ребенка: позвонила мама подруге, подруга с этим делом была связана, работала в киоске, продавала газеты, а рядом, в другом киоске, продавались билеты в театры, и они с той кассиршей дружили. Достала подруга билеты с переплатой совсем небольшой, снова пошли мама с мальчиком в театр. И просидел мальчик весь спектакль, легонько приоткрыв рот, а на антракт сильно разгневался. И снова целые дни изображал дома Багиру, Шерхана и обезьян.

– Мама, вырасту – стану артистом, – говорил мальчик.

– Без блата ты не поступишь, – говорила ему мама. – А денег на взятки у меня нет.

Но вот мальчик вырос, пришел в Государственный институт театрального искусства на творческий конкурс. Начал читать монолог. Комиссия так и ахнула: у мальчика талант! Что делать – поступил Федя с первого раза, окончил, пошел работать в известный театр, много снимался в кино, в самый популярный сериал его позвали играть бандита, мама смотрела сына по телевизору и утирала от радости слезы. Только самому Феде больше нравились спектакли в театре, чтоб утягивало вверх пыльный занавес, в глаза светили прожекторы, а он тихо выходил на сцену в костюме или даже без.

Тут-то и отправился их театр на очередные гастроли, в Новгород. Гулял Федя по городу и зашел в их главную Софийскую церковь. Там постоял немного, посмотрел на иконы, свечку зажег, хор послушал и – надо же! – понял, что Бог существует. Стал Федя верующим, начал заходить в храм, что рядом с их домом находился, исповеди посещать, причащаться раз в две недели. Тут батюшка его и спроси: «А кем ты, молодой человек, работаешь?» У них ведь это без церемоний, сразу на «ты», потому как люди им – братья. Но Феде, наоборот, это очень понравилось: и что на «ты», и что всё по-простому.

– Артист я, – говорит.

– Артист?! Кого ж ты играешь?

– А кого придется.

– Что же, и любовные сцены, и обьятия?

Федя ответ держит честно.

– И обьятия, – говорит, – а как же, без этого нам нельзя. Мы и голыми в одном спектакле на сцену вы-ходим – такая у нашего режиссера находка; правда, к зрителям стоим спиной. Ради этого все на эту вещь и ходят.

– Ну вот что, – громко и властно проговорил батюшка. – Все это одна бесовщина. Надо тебе это дело бросать. Парень ты молодой, профессий в мире много. Вот врачом быть хорошо, строителем можно, нам столяр как раз нужен, а занятие свое грешное совсем оставь, не православное оно! Разумеешь ли?

Разумею, кивает Федя. Год продумал. Все-таки жаль было бросать. Но что не сделаешь ради спасения. К тому же и денег в театре почти не платили, а на сериале тоже далеко не уедешь. И бросил. Еще год учился на краснодеревщика и стал работать в храме того батюшки столяром. Иконостас вырезал такой, что его в каталог древнерусского искусства поместили ошибочно. Лавочки в храме тоже похорошели, ножки резные, сиденья в виде длинных лодий сделаны, сидеть не очень удобно, зато красиво, православно, по-русски так,

батюшка не нарадуется – и человека из гибельного болота вытащил, и храму польза. И сам Федя вроде тоже доволен.

Только Фебина мама очень расстроилась. Бандита, которого Федя в сериале играл, убили по сценарию, чтобы объяснить Фебино отсутствие. И с тех пор появились у мамы странности. Как придет к ней Федя в гости, не хочет его пускать, ты, говорит, все равно уже умер, сынок, зачем ты ко мне приходишь, покойников я не люблю. Но Федя все равно к ней приходил, приносил продукты, гладил маму по морщинистой ручке. И она в общем уже не возражала.

Массажистка

Таня Коркина выучилась на массажистку и стала делать разным больным детям массаж. Да до того умело, что чуть не творила чудеса. Разрабатывала неподвижные ручки, ножки, снимала гипертонусы и гипотонусы, недоношенных делала богатырями, дэцэпэшников поднимала на ноги. От благодарных родителей не было отбоя, клиентура росла с такой скоростью, что на массаж к Тане записывались уже за полгода, а между тем Таня стала верующей и православной. Появился у нее духовный отец. Узнав Таню получше, он объяснил ей, что дети страдают за грехи родителей. И на то, чтобы им болеть, есть воля Божия. А раз она их своим массажем поднимает на ноги, значит, и все родительские грехи переходят на нее. Таня занервничала: что же делать? Как понести такую ношу? Сколько прошло через ее руки – уже и не сосчитать, значит, грехов-то сколько! А батюшка тут как тут. Говорит: очень просто. Оставь свое ненужное массажное дело, а чтобы гора чужих грехов, которые давят на твои плечи (и Тане показалось: правда давят!), рассосалась – читай каждый день по три акафиста. Иисусу Сладчайшему, Матери Божией и Николаю Чудотворцу.

Так Таня и сделала. Никаких массажей, всем твердый отказ, каждый день – по три акафиста, живет с тех пор на мамину пенсию и не сомневается, что вот-вот, по молитве любимого батюшки, встретит жениха. Поскольку знает: за молитвы духовного отца случается и не такое. Не верите? Не те вы читали книжки.

Верующий

Один человек поверил вдруг в Бога. Тут же достал у приятеля пистолет Макарова и застрелился.

Правильный выбор

У одного батюшки дар был, от Бога. Все еще только правый придел ремонтируют, второй год крышу починяют, занавесочкой вместо алтарной преграды прикрываются, а у него уже серебряные купола сияют золотыми звездами, в иконостасах иконы XVI века, а придел один даже новый выкопали и освятили, под храмом, подземный такой придел, для особых случаев.

Кто-то только отвоевывает у мэрии домик для причта, а у него таких домиков уже четыре: один для причта, другой для воскресной школы, третий для мальчиков-сирот, четвертый – приют для одиноких старушек. В каждом домике – антикварная мебель, кресла вольтеровские, мраморные полы, хрустальные люстры: взирая на красоту рукотворную, вспоминает человек и о красоте творения Божия, а там, глядишь, и о самом Творце.

С домиками разобрался, купил три магазина, все тоже православные, в одном облачения продают, в другом – книжки церковные, в третьем – соевые продукты, на случай больших и малых постов. С магазинами разобрался – купил конюшню. Чтобы прихожане

катались по праздникам на лошадях, не унывали зря, друг на друга не жаловались. Ну, где конюшня, там и площадка с аттракционами – выстроили свой миниатюрный Диснейленд, с русскими святыми вместо Микки и Дональда.

С Диснейлендом разобрался – начал строить православный бассейн, чтобы было куда окунуться после изнурительной великопостной службы или, наоборот, скачек и катаний на каруселях. Выстроили бассейн, поставили рядом сауну. Поставили сауну – нужен православный спортзал. Выстроили спортзал, нужны тренажеры. Купили тренажеры, нужна православная гостиница. С конференц-залом. Потому что гости из-за границы повалили валом, набираться у батюшки православного пастырского опыта. Построили православную гостиницу, понадобился православный аэродром. Построили аэродром, запустили чартерных рейсов несколько десятков, в двадцать шесть стран мира, и у батюшки, само собой, свой православный самолетик маленький, но и вертолет, конечно, тоже, обозревать владения, опять же, катать гостей.

Правда, некоторых гостей сильно укачивало, для них – что не сделаешь ради ближнего! – прорыли канал к Москва-реке, организовали паломнические круизы и православный флот. Только по воде все-таки выходило медленно – куда деваться, начали прокладывать православную железную дорогу. Но и дорогу надо охранять, от разбойников, случайных людей – организовали свою православную армию, с хоругвями, хором, всем, чем положено. Тут батюшка видит, пора становиться православным президентом, подумал-подумал, но махнул рукой. Если еще и президентом, служить будет некогда, а я все-таки иерей, по чину Мелхиседеков. Так и не стал президентом, остался батюшкой.

Посещение божие

Один батюшка был очень бедный. Третий священник в подмосковном храме, какие уж тут доходы. Настоятель, если что и просачивалось, всё забирал себе, а после треб требовал со священников мзды. Так что дети у третьего батюшки были одеты в обноски, матушка зимой жалась в осенней курточке, на требы батюшка ходил по морозу пешком, в вытертом пальто, с облупившимся от времени чемоданчиком. Одно слово – нищета.

Тут и случилось с батюшкой Божие посещение. Пришел к нему старый, со школьных времен еще приятель, Яша Соколов. Освяти мне, говорит, дом, а я в долгу не останусь. Настоятеля в тот день как раз в городе не было, и он об этом деле ничего не узнал. Сели они в какую-то хорошую машину, поехали. Вдруг видят дворец. С башенками, балконами, флюгерами, всё как полагается. «Это мой дом и есть», – говорит Яша. Вошли они во дворец, а там всё из чистого золота. Люстры, столы, стулья. Только ручки изумрудами и жемчугом инкрустированы. Удивился батюшка, но что ж, начал дворец освящать. После освящения хлопнул Яша в ладоши, из стенки выехал стол с невиданным угощением, винами заморскими, пряниками печатными, второй раз хлопнул, люди вошли, парни плечистые, нарядные девушки. «Это мои друзья», – объяснил Яша и всех пригласил за стол. Многих блюд батюшка не знал даже названия, а многие так и не смог попробовать – не вместились.

Видит батюшка, Яша вроде расслабился, наливает ему и себя, конечно, не забывает, батюшка его и спроси: «Где же ты, Яша, работаешь?» Яша как засмеется. И долго еще останавливаться не мог. Нам, говорит, работать не положено, запахло это, ну, понял, в натуре, кто мы? «Нет, что-то не понял», – никак не поймет батюшка. Яша и скажи ему: «Бандиты мы, ясно?» – «Ясно», – испугался батюшка. «Но ты не бойсь, тебя мы не тронем, ты мой кореш и нам еще сгодишься». Тут Яша с батюшкой щедро расплатился, кивнул невидимым слугам, и они отвезли батюшку домой.

И пошел с того случая батюшка по рукам: кого повенчает из Яшиных друзей, кого окрестит, кому опять же освятит замок, а кого и пособорует после ранения на разборке. Сло-

вом, пошел батюшка с того дня в гору. Отстроил новый дом, придел матушку, деток отдал в частную школу, тоже и им нужно хорошее образование, а себе купил «шкоду» новенькую (только белую, чтобы выглядело поскромнее, настоятель-то ездил на «жигулях»). Вскоре, правда, настоятеля сместили, настоятелем стал наш бывший третий батюшка, но, видит Бог, он того не искал, как-то уж само так вышло.

А бандиты? Ну и что? Разве они не люди? А отсекай их от благодати Божией – грех, там, глядишь, и покаются, как праведный разбойник на кресте. Так что до скорой встречи в обителях рая!

О пользе психологии

Макс по кличке Скрипа был не просто виртуозным городским щипачом, но и великим психологом. Особенно хорошо понимал он женщин. И угадывал по одному лишь взмаху ресниц, по случайно скользнувшей по лицу улыбке или вдруг проступившей складке меж бровей, можно ли начинать охоту – не приметным движением погружать пальцы в чужой карман, надрезать сумочку, – или лучше пока не торопиться. Он достиг такого совершенства, что легко определял в толпе не только тех, чьи мысли витали неведомо где и кто был совершенно безоружен перед его воровским искусством, но и тех, кто, обнаружив пропажу, его бы простил. Таких было немного, но и такие были. На спор с братьями Макс несколько раз проделывал один и тот же фокус: определял такую всепрощающую жертву, нарочно грубо вынимал у нее кошелек, оказывался пойман с поличным – но всякий раз точно отфильтрованная жертва не поднимала крик, а просто умоляющим шепотом (не из страха – из жалости!) просила его вернуть деньги. Макс возвращал. Но про себя и смеялся, и дивился.

Он не попался ни разу, и позже это сослужило ему неплохую службу.

Потому что к тридцати пяти годам Макс как-то страшно разочаровался. К тому времени он уже, конечно, не толкался в толпе, а контролировал один из городских рынков и жил не тужил, но вот надо же... устал, заскучал. Налег на спорт, в юности он несколько лет занимался каратэ, познакомился в фитнес-клубе с одним человеком, тренером по борьбе, который оказался верующим и укладывал Макса на обе лопатки за двенадцать секунд, попутно объясняя, что для победы важны не приемы, а правильный внутренний настрой. Какой настрой? А вот такой. Неагрессивный. В общем, начал Макс ходить не только в фитнес-клуб, но и в церковь, читать книги, вникать. И покался.

Сейчас храм отца Максима самый богатый в городе. Во-первых, конечно, братки предпочитают своего батю, притекают к нему дружной толпой, жертвуют немерено, улаживают все вопросы с церковным и городским начальством, основали фонд помощи заключенным. Но, во-вторых, опять-таки психология. Приходит к отцу Максиму какая-нибудь женщина, не успевает и рта раскрыть, как батюшка сам рассказывает ей, в чем ее проблемы, как с ней обращаются муж, свекровь, дети, а как начальник на работе. Дальше уже сами его собеседницы теряли дар речи, и отец Максим даже не говорил, как эти проблемы решить, никаких особенных рецептов не давал – какие уж тут рецепты, терпи да молись, потому что главное было совершенно не в том. Главное – женщины чувствовали, что вот нашелся человек, который их наконец-то понял. И уходили совершенно утешенные.

Так что слывет отец Максим в своем приходе человеком святым и прозорливым, имеющим дар обращать разбойников и врачевать женские печали.

Неумеха

Один батюшка вообще ничего не умел. Не умел отремонтировать храм, и храм у него так и стоял пятый год в лесах. Не умел с умом заняться книготорговлей, выбить точки, запу-

стить книжный бизнес. Не умел отвоевать себе домика причта или хотя бы помещения под воскресную школу.

У него не было нужных связей, щедрых спонсоров, десятков и сотен преданных чад, не было машины, мобильного, компьютера, e-mail'а и даже пейджера. У него не было дара рассуждения, дара чудотворения, дара прозорливости, дара красивого богослужения – служил он тихим голосом, так что, если стоять далеко, ничего не было слышно. И чего уж у него совершенно не было, так это дара слова, проповеди он мямлил и повторял всё одно и то же, из раза в раз. Его матушку было не слышно и не видно, хотя она все-таки у него была, но вот детей у них тоже не было. Так батюшка и прожил свою жизнь, а потом умер. Его отпевали в хмурый ноябрьский день, и, когда люди хотели по обычаю зажечь свечи – свечи у всех загорелись сами, а храм наполнил неземной свет.

Благое попечение

Про отца Иоаникия известно было, что у него дар – исповедовать подробно. Исповедуешься у отца Иоаникия – и словно побывал в бане, выходишь пропаренным, чистеньким. Люди записывались к нему на исповедь за двадцать четыре рабочих дня. Варвара Петровна тоже записалась, но все равно стояла в очереди и успела только последней, в пять часов утра. Отец Иоаникий начал задавать ей вопросы.

Не слишком ли много времени тратила на стирку? Не выбрасывала ли продукты? Суп? Кашу? Мандарины? Свеклу? Курицу? Мясо? Редис? Работала ли в воскресные дни? Как именно? Мыла ли пол? Гладила ли? Протирала ли пыль? Чистила ли уши? Не совершала ли грех содомский? Не страдала ли малакией? Случалось ли тайноядение? Мшелоимство?

Исповедь длилась два часа, как раз до утренней службы. Утром Варвара Петровна пришла домой, включила все газовые конфорки, не поднеся к ним спички, и легла на диван прямо в верхней одежде. Но тут неожиданно приехал ее муж: забыл дома документы, вернулся с полдороги. Открыл своим ключом дверь, выключил конфорки, вылил из всех банок святую воду, выкинул в мусоропровод кусочек Мамврийского дуба, окаменевшую просфорку от мощей великомученицы Варвары, еще что-то, покрытое пушком плесени, разломал свечи, поцеловал Варвару Петровну в побледневший лоб и сказал медленно: «Еще раз пойдешь туда – убью».

Дорогие братья и сестры! Не забыл бы муж документы, попала бы Варвара Петровна в ад. Будем же благодарить Господа за Его всесвятое и благое попечение о нас, грешных!

Постник

Один батюшка был людоедом. Приходит к нему человек на исповедь, а домой уже не возвращается. Приходит молодая пара венчаться – и исчезает навеки. Приносят младенца покрестить – пропадает и младенец, и крестные родители. А просто батюшка их всех съедал. Только в посты все было благополучно, люди у него исповедовались, крестились, соборовались без всяких исчезновений. Благочинный, конечно, знал про эту батюшкину особенность, но всегда говорил, что заменить ему батюшку нечем – зато как строго человек держит пост.

Исцеление

Одна женщина сильно заболела. Обратилась к духовному отцу. Духовный отец сказал: «Ваша болезнь не к смерти. Отслужим молебен великомученику Пантелеймону, будете каждое утро пить святую водичку, даст Бог, поправитесь». Больная так и сделала, унесла из церкви двухлитровую банку целебного напитка, стала пить его и растирать им больные

места. Но ей делалось всё хуже и хуже. Тогда батюшка предложил ей мазаться по вечерам иерусалимским маслицем, которое исправно привозило ему каждый год одно чадо. Больная начала смазываться иерусалимским маслицем. Тут ей стало намного легче, но не до конца. Тогда батюшка велел женщине прочитать сорок акафистов святым бессребреникам и врачам Косме и Дамиану, в день по акафисту. И всё шло хорошо, но на тридцать пятом акафисте женщина умерла. Выяснилась и причина – скоротечный рак правого легкого. Так что врачи бы тут тоже уже не помогли, не успели. А так хоть помолилась раба Божия перед отшествием ко Господу, подготовилась.

Диалог о пользе смирения для души, потерявшей рай

- Батюшка, очень болит голова.
- Что ж, для смирения полезно.
- Батюшка! Смотрите, мне отрезали ногу.
- Что ж, для смирения полезно.
- Батюшка! Отрубили правую руку.
- Что ж, для смирения полезно.
- Батюшка! На левой руке раздробили пальцы.
- Что ж, для смирения полезно.
- Выкололи глаза...
- Что ж, для смирения полезно.
- Вырвали ноздри...
- Что ж, для смирения полезно.
- Батюшка! Отрубают голову.
- Ну а вот это, пожалуй, уже слишком.
- Отрубленная голова, подпрыгивая:
- Почему?!
- Батюшка:
- Кто же теперь будет смиряться?

Кукареку

Послушник Андрей решил, что он юродивый. И стал говорить звериными и птичьими голосами.

Идет настоятель. Андрюша ему: му-у. Идет благочинный: ме-е. Брат повар: хрю! Брат регент: мяу. То есть просто всех запарил. На послушания ходить перестал, на уговоры не поддавался, только мычал, квакал, гагакал и кукарекал. Сначала все терпели, вздыхали: а что поделаешь – может, и правда юродивый? Человек Божий. Тем более иногда получалось ужасно смешно. Как-никак разрядка в непростой монастырской жизни. Но отца игумена это в конце концов утомило. Он отправил отца Андрея на ежедневное послушание в мир – ездить в дом ребенка в ближайшем городке и учить там малышей голосам животных.

Подвижник

Один юноша решил уподобиться древним подвижникам. Нашел в сарае ржавые гвозди, связал их вместе и сделал себе вериги, которые доставляли ему ужасные мучения, царапая тело до крови. Через две недели юношу увезли в больницу с заражением крови и только чудом спасли от неминуемой смерти. С тех пор он не носил больше вериг и каждый раз, взирая на шрамы от гвоздей, говорил себе: «Вот, дурак, плоды твоей дурости».

Домик в деревне

Миша Петров решил постичь сладость молитвы Иисусовой. Вот, думает, затворюсь где-нибудь подальше, чтоб ни друзей, ни телефона, ни электронной почты. Днем и ночью молитва, редкий сон, скудная трапеза, так, водичка, сухарики, ну и чтение священных книг.

Долго колебался из-за мобильного, брать не брать, все-таки глушь, мало ли что случится, но потом сообразил, что роуминга в глуши не бывает. И оставил мобильник дома.

Сессия как раз кончилась, практику в этом году можно было отрабатывать в сентябре, и Миша решил бежать в домик в деревне, год назад на спор купленный во время диалектологической экспедиции у одной бабки – за четыре тыщи рублей вскладчину. Миша и три его товарища выиграли тогда у девчонок десять бутылок пива. Это был дом бабкиной покойной сестры, и бабка была рада-радешенька этим тыщам, за домиком обещала присматривать, ну и все такое.

Родителям и трем другим друзьям-совладельцам Миша сказал, что едет навестить их имение, про молитву, конечно, ни слова – и друзья очень обрадовались, только с Мишей никто ехать не захотел: у всех оказались другие планы.

Ехал Миша два с половиной дня и наконец прибыл в Осаново. Так называлась эта деревня с домиком. Стучит к бабке-продавщице, звали ее немного по-литературному, Агафья Тихоновна, но все равно она была настоящая сибирская бабка. В общем, как у Валентина Распутина.

– Здравствуйте, Агафья Тихоновна, – говорит ей Миша. – А как избушка-то наша на курьих ножках, не сгорела ли?

– Что ты! – рассердилась Агафья Тихоновна. – Стоить.

И они пошли на другой конец деревни проводить домик. Домик и правда стоял, чуть только меньше он в этом году Мише показался и беднее, но так всё такой же. Открыла бабка дверь, вошел он в домик – а там травками какими-то пахнет, так и висят они в сених пучками неизвестно сколько лет.

Темновато, конечно, но ничего. Бабка ушла, Миша бросил рюкзак, осмотрелся, нашел ведра, ветошь какую-то тряпичную, сходил за водой к колодцу, вымыл окошки. Тут же стало светлей. Потом Миша повесил иконы – молиться-то перед чем? Книги священные рядом положил в стопочку, четки на руку повесил. Только чувствует – пора все-таки закусить. Ну что за молитва без трапезы?

Достал продукты, из Москвы привезенные, и консервы, и сахар, и соль, и огурцы, а хлеба-то нет!

Пошел в местный магазинчик. Вот что значит капитализм: в прошлом году этого магазина здесь не было, а теперь вот он – кирпичный, аккуратный такой, и, в общем, всё есть. И кока-кола, и сникерсы. Купил себе и того, и другого. Но и хлеба тоже. А тут и Агафья Тихоновна в магазин приходит – его ищет, ты ко мне заходи, картошки тебе отдам, прошлогонья, крупная, как кулак. Так и оказалось. И три яичка ему Агафья Тихоновна к картошке прибавила – из-под собственных кур. Тут и Марья Егоровна, соседка, зашла к Тихоновне, тоже зовет его к себе. Миша пошел, Егоровна угостила его баночкой молока от своей коровы и пригласила приходиться еще.

Разложил Миша всё свое богатство на деревянном некрашеном столе, хлебушек, картошку, налил себе в железную кружку парного молочка, пожарил яичницу с ненормально желтыми желтками. По избе дух стелется травяной; как ни странно, ни одной мухи. Сидит и думает: «Господи, хорошо-то как! Вот и иконочки у меня тут висят, и книги разложены, что еще надо? Сейчас поем и начну молиться. А на улицу уже ни ногой, ни к чему все это – рассеянье».

Но после обеда Миша достал спальный мешок, разложил прямо на полу и как убитый уснул. Просыпается, а совесть его мучает – всё спишь да ешь, а как же молитва-то Иисусова, ты для чего сюда приехал? Но куда-то задевались четки, на руке они мешались, да и стеснялся Миша с ними выходить на улицу, снял перед походом в магазин, а куда дел, не помнил. Искал, искал, нашел. Оказались в сених, на гвоздике, сам забыл, как повесил. Наконец тихо встал он перед иконами, зажег лампадку, всё как полагается. Вдруг на улице потемнело, дождь пошел, и – надо же! – потолок, как раз над святым углом, начал темнеть – вода проходит, прохудилась крыша.

Только кончился дождь – Миша скорей на крышу, на лестнице одна перекладина обломилась, еле забрался, а там и правда всё сгнило... В общем, дел хватило, и Миша, даром что мальчик из интеллигентной семьи, за всё брался, всё делал в охотку, и бабусям сильно помогал, и свое хозяйство вел собственное, почувствовал себя хозяином, простым человеком на родной земле, Львом Николаевичем в поздний период.

Ну а молитва? Да ведь и так всё было хорошо. Вернулся Миша загоревшим, даже немного потолстел. Агафья Тихоновна и Марья Егоровна как следует его откормили.

Мастер

Жил да был на свете православных дел мастер. Жил не тужил, потому что дела у него не переводилось. Клиентурой в основном были женщины. Приезжали они в его скромную избушку в подмосковной деревеньке со всех концов русской земли и просили лишь об одном:

– Сделай ты меня, мил-человек, православной. Только не переборщи. Чтобы всё было в самый раз и тютелька в тютельку.

– А вот об этом, матушка, беспокоиться не извольте, комар носа не подточит, – вежливо отвечал мастер и, надев черный кожаный фартук, принимался за работу. Работал он быстро, скоро, укладывался в несколько часов.

Начинал всегда с голоса: вставлял клиентке железное горло, и говорить она начинала с той поры тихим, будто навеки сорванным голосом, но на самом деле не сорванным, а смиренным. Потом брался за глаза – капал в них пипеткой специальную смесь-поволоку, особой такой дымки напускал, легкой-легкой, так что глаза у женщин навсегда становились печальными и глядящими будто бы с некоторым тайным укором, а при особой просьбе – несколько вкось. Но не укор это был и не косина, а осознание собственной греховности. Дальше брался мастер за губы. Делал в краешки губ по укольчику – и улыбаться с тех пор женщины уже не могли. Христос ведь никогда не смеялся. Скорее всего, и не улыбался тоже. Значит, таковыми же должны были стать и его истинные ученицы. Так мастер комментировал свои деяния.

Следующим был цвет лица – специальный зеленый крем, настоящий на полезных травах, не вытравимый долгие годы, делал лицо землистым, в чем и содержался намек на возможное тайное подвижничество. Дальше мастер брался за походку и осанку, и после краткого сеанса массажа походка у клиентки делалась неторопливой, слегка шаркающей, а голова опускалась, так что отныне печальные с поволокой-укором глаза не только косили, но и смотрели исключительно долу. Дело оставалось за малым. Каждой своей клиентке мастер вручал на прощанье особый платочек. Стоило повязать его на голову или даже на шею, как любая одежда смотрелась на тебе мешковато и сиро. Вот, собственно, и всё. Клиентки расплачивались с мастером кто как мог, но обычно весьма щедро, сельские вечно везли что-то со своих огородов и из-под кур, столичные штучки (их было большинство) к гонорару прилагали дорогие коньяки или виски. В общем, мастер не бедствовал, а клиентки отправлялись домой, счастливые тихим православным счастьем.

На женщинах православных дел мастер неплохо набил руку и как-то к ним привык. Поэтому, когда к нему приходили мужчины, немного терялся, хотя виду, конечно, не пода-

вал. Так же брался за молоток, пипетки, крема. И все же мужчины у мастера получались похуже, с какой-то невытравимой вечной женственностью в очах и облике, с длинными волосами, блуждающим взором, слабой волей, иногда выскакивало и заикание. Может, путал он порошки или халтурил и для мужчин использовал женские средства? Неизвестно. Однако болезненный вид, шаркающая походка, мрачный блуждающий взор – всё это оставалось и при мужчинах.

Изредка приводили к мастеру и детишек. Но дети поддавались обработке совсем уж плохо, просто делались после сеанса дергаными и бледными, а некоторые не поддавались вообще, так что мастер запретил приводить детей к себе. И они ждали мам в коридорчике.

– Ну а сердце, сердце? – спрашивали мастера особо продвинутые. – Главное-то – не внешний, а внутренний человек. Сердце православным сделать можете?

– Сердце, – отвечал честный мастер, – поменять не могу. А то бы давно уже на земле наступило Царство Божие. А это в замысел Господень никак не входит.

На досуге он любил полистать Откровение Иоанна Богослова. Особенно ему нравились описания разных чудо-зверей.

Цикл третий Хороший человек

Главное

1

Один батюшка был горьким пьяницей, а в свободные от запоя моменты баловался травкой.

Ну и что? Главное, чтоб человек был хороший.

2

Один батюшка был неверующий. Все он делал как положено и очень старался, только вот как-то не верил в Бога. Об этом в общем все знали, но прощали ему. А вот как раньше, если коммунист, необязательно же в коммунизм верит. Ну, так же и батюшка. Главное, чтобы человек был хороший.

3

Один батюшка страдал kleptomaniей. То крестик золотой стянет из церкви, то просто десятку из кармана у дьякона. Все об этом в общем знали, но понимали – ну, kleptomан. Главное, чтоб человек был хороший. Батюшка ценил народное доверие и, когда горка наворованных вещей у него дома становилась слишком высокой, складывал всё наворованное в большую сумку и раздавал бедным на паперти. Вот что значит хороший человек.

4

Один батюшка не любил голубых. Но еще больше он не любил, когда про каких-нибудь батюшек, монахов там или кого повыше рассказывали, что они в своем монастыре вообще все того. Тут этот батюшка страшно темнел лицом, смотрел на собеседника в упор и говорил очень отчетливо: «Батюшек голубых не бывает!» Вставал, выходил из комнаты, дергал краешком рта, пил валокордин. Только вот зачем было портить себе нервы? Да хоть оранжевый. Главное-то, чтоб человек был хороший.

5

Один батюшка был большой женолюб. Любовался женскою красотою, завитком, выбившимся из-под платка, полными чистых слез женскими несчастными глазами, глядящими на него во время исповеди, и влюблялся чуть ли не в каждую мало-мальски симпатичную свою прихожанку. И думал про себя так: «Ах, если бы я мог на ней жениться!» Но так ни на ком и не женился, жил со своей матушкой, чинил в ванной кран, забивал куда надо гвозди, забирал вечерами детей из школы, ну и служил, конечно, тоже. Так что главное – оно и есть главное.

6

Один батюшка ненавидел людей. Произошло это с ним не сразу. Сначала он всех любил. А потом разлюбил. И презирал. Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей. Потому что людей было много и с годами становилось всё больше, и они, эти безликие жаркие толпы, – во-первых, дышали, во-вторых, толкались, лезли вперед, громы-хали банками для святой воды, тыкали ему в лицо вербами, чтобы он получше их окропил, в-третьих, задавали шизофренические вопросы, на исповеди рассказывали про плохих мужей и свекровей, требовали советов, но советов никогда не выполняли, в-четвертых, верили в сглаз, в-пятых, носили причащать дико орущих внуков по совету бабушек-колдуний. И по большим праздникам батюшка даже служить старался с закрытыми глазами. Ему казалось, что вот он откроет глаза – и его ненависть к ним сразу же их испепелит. Но так-то человек он был очень хороший, в кругу друзей и семьи – приветливый, ласковый. Просто раздражительный слегка. А человек отличный. С детьми в воскресной школе делал воздушных змеев.

7

Один батюшка терпеть не мог евреев. Куда ни глянь, всюду они: русскому человеку ни проходу, ни продыху! Какой фильм ни включишь, режиссер – еврей. Какую книжку ни возьмешь – еврей написал. Про музыку даже говорить нечего. Всюду эти наглые, носатые, жидовские рожи! И нет бы сидели в своей синагоге, так ведь еще и лезли в Русскую православную церковь, теснили простых русских людей. Своими возмущенными чувствами батюшка делился с прихожанами, прихожане его внимательно слушали, ну а жида, ясное дело, обходили батюшку за версту.

Так оно всё и шло, батюшкины взгляды ни для кого не были секретом и ничему, разумеется, не мешали – он был в почете, за выслугу лет, за то, что восстановил храм практически из руин, организовал общину сестер милосердия, ездил к заключенным. Время от времени батюшку награждали разными священническими наградами, а на тридцатилетие служения к нему в храм приехал сам патриарх.

Одно было не слава Богу: любимая и единственная батюшкина дочка рисковала остаться в девках. Кто-то ей не нравился, кому-то не нравилась она. Сыновей у батюшки не было, и он надеялся, что, может быть, хоть внук станет его преемником. Но какие уж тут внуки. А дочке уже двадцать семь, восемь, девять лет. Как вдруг сыскался жених. Да какой! Настоящий русский богатырь – косая сажень в плечах, рослый, кудри тёмно-русые, глаза голубые. И умный! И работающий! И ездит на собственной машине! Но главное – от дочки батюшкиной без ума. Ну, и она к нему, конечно, не равнодушна. Вскоре приехал жених делать предложение, по-старинному так – в галстук, с букетом алых роз. Родители с ног сбились, не знают, как ему угодить, матушка его потчует, батюшка поддерживает ученый разговор, а дочка сидит ни жива ни мертва и не шелохнется. Тут же ударили по рукам, назначили день свадьбы, обсудили разные хозяйственные дела, стоит жених уже одетый в коридоре и вдруг говорит: «Да, кстати, мама у меня еврейка, а папа русский. Я в папу пошел, и фамилия у меня его, но мама – еврейка. Это я на всякий случай сказал». И ушел.

Что тут началось! Батюшка кричит, ногами топает, дочка рыдает, матушка между ними бегаёт и по очереди холодное полотенце к головам прикладывает. Читатель, ты уже обо всем догадался, да? Всю ночь промолился батюшка перед иконами в белых рушниках, всю ночь просил Господа о вразумлении, а наутро, осунувшийся и бледный, вызвал дочь на кухню, обнял и говорит: «Эх, доча, доча, главное-то, чтобы ты была счастлива. Сама понимаешь, главное, чтоб человек был хороший».

Так и не отказали жениху. И никогда об этом не пожалели. Вот какие на свете бывают чудеса.

Отец Николай

1

Отец Николай жил на острове. Люди ехали к нему на поезде до Пскова, потом до деревни, оттуда три километра пешком, дальше плыли на моторных лодках и катере. А зимой шли пешком по льду или катились на специальных машинах, которым не скользко ехать по льду. Во льду отражалось заходящее красное солнце.

Люди думали: «Сейчас мы увидим великого старца, и он нам все объяснит». А отец Николай говорил им: «Зачем вы приехали? Я вам все равно ничего не скажу».

2

Он был уже очень старенький и худой. Только руки у него были сильные, отец Николай бил ими по лбу всех глупых и непослушных. И пел песни, чисто и громко, как молодой. Отец ведь его был регентом церковного хора, и батюшка с детства любил церковное пение.

3

Ранней осенью, когда все разъезжались, над островом вставала тишина. Коровы лежали на песке и смотрели на серую воду. На воде качались черные лодки, кричали чайки, вдоль берега лежало много больших камней, а самый большой камень назывался Литвинов. Почему он так назывался, никто точно не знал, но все думали – потому, что когда-то тут, на острове, были литовцы. Отец Николай показывал камень всем островным гостям.

4

Однажды к отцу Николаю приехали несколько студентов. Паша Андреев хотел спросить его, жениться ему или нет. Но беседа шла общая, про женитьбу говорить было некстати, студенты долго задавали батюшке разные духовные вопросы, батюшка отвечал им, и вот все начали прощаться. Паша был в отчаянии. Тут отец Николай наклонился к нему и тихо сказал: «Женись, женись».

5

Одному юноше отец Николай сказал: «Будешь митрополитом». Юноша женился, стал отцом семейства, иереем, а вскоре и настоятелем большого московского храма, потом протоиереем, с наградами, правом ношения, правом служения, только вот митрополитом так и не стал.

6

Косте Трудолубову отец Николай ничего не предсказывал и никакой прозорливости по его поводу не проявлял, хотя Костя к нему часто ездил. Только однажды батюшка посмотрел на Костю внимательно и, легко бия его по щекам, сказал ласково: «Что, так хочешь стать современным человеком?» Спустя четыре года Костя отошел от церкви, стал пить, менять девчонок, смеяться смехом опытного курильщика марихуаны, хотя отца Николая по-преж-

нему любил и помнил, просто ездить к нему перестал. Да ведь тот почти и не принимал в последние годы.

7

Катя Якобинец стремилась в монастырь с пятнадцати лет. Она училась в музыкальном училище, все свободное от учебы время пропадала на службах, любила молиться, любила авву Дорофея, а по окончании училища стала регентом женского Зачатьевского монастыря. Иногда она даже не возвращалась домой – оставалась ночевать в монастыре. Матушка выделила ей отдельную келью, потому что очень ценила хорошее пение, но Катю не торопила. Катя сшила себе на заказ два черных подрясника, купила черный платок, всюду ходила с четками, опустив глаза. Вопрос об ее уходе в монастырь был практически решенным. Катины родители были, конечно, в ужасе. Но тут уж ничего не поделаешь – атеистическое воспитание! Так что оставалось только взять благословение у старца. И Катя отправилась на остров Залит.

Все складывалось очень удачно. С поезда она успела на катер, и катер отвез ее на остров. Молитвами отца Николая! В церкви Кате сказали, что отец Николай уже принимает, нужно идти к его домику. Катя легко нашла домик и встала в небольшую очередь приехавших к батюшке. Каждый подходил к нему, задавал вопросы, а батюшка коротко на них отвечал. Вскоре наступил и Катин черед.

– Батюшка, собираюсь уходить в монастырь, – сообщила отцу Николаю Катя. – Благословите.

Но отец Николай молчал.

– Только еще не решила, в какой монастырь, – продолжала Катя. – Меня даже в Новое Дивеево в Америке приглашали.

– Америка далеко, – улыбнулся батюшка. – А монастырей хороших много. И лучше всего идти на Афон...

– Батюшка, но туда... – попробовала возразить Катя.

– На Афон! – твердо отвечал ей батюшка и, благословив, отпустил.

Всю обратную дорогу Катя проплакала. А вернувшись домой, повесила на вешалку черный подрясник, сложила на полку платок и вскоре подыскала себе замену для руководства хором. Через год Катя вышла замуж, сейчас она уже матушка. Смотреть ей в лицо невозможно – сияет от счастья.

8

Отец Николай очень любил читать стихи. И если узнавал, что человек учился на филологическом факультете, говорил ему: «Так запомните же вы, что частицы *же, ли, бы* пишутся без черты». Некоторые филологи задумывались и искали в этих стихах тайный смысл: может быть, *же, ли, бы* — это чьи-то имена. Женя, Лида, но вот *бы*? Или это жизнь, любовь и Бог? И их нельзя перечеркнуть. Так думали филологи, а один даже записал стишок в тетраточку и решил написать про него научную работу. Как вдруг догадался, что это просто такое правило русского языка, а стишок сочинен, чтобы правило лучше запомнилось. Отец Николай раньше работал учителем в школе.

9

Часто батюшка повторял: «Кому церковь не мать, тому Бог не Отец».

10

А в конце разговора всегда просил: «Помолитесь за меня, меня Николаем зовут».

11

Много лет на острове Залит жил не только отец Николай, но и баба Дуня. Иногда отец Николай отправлял к ней приехавших на остров переночевать. И баба Дуня всех принимала. Она была маленького роста, но довольно крепкая, в шерстяном зеленом платке слегка набекрень, с чистыми, ясными глазами. Сын у нее утонул, муж погиб на войне, но две взрослые дочки часто навещали и помогали ей. Она была не брошенная.

Однажды бабе Дуне делали тяжелую операцию, и батюшка в это время «открыл врата и молебствовал в церкви». Когда баба Дуня ехала прооперированная на белой тележке, вся больница высыпала в коридоры на нее смотреть, потому что все ее уже узнали и полюбили. Перед операцией бабе Дуне приснился сон. Будто она стоит в церкви, а рядом ее родственница, уже умершая, и много, много народу. Весь народ валит к алтарю, и баба Дуня хочет со всеми. Но родственница говорит ей: «Стой на своем месте. Стой здесь». Тут баба Дуня проснулась. А потом поняла: все, кто валил в алтарь, – это те, кто умер или вот-вот умрет, а ей еще рано. Операция прошла успешно, батюшка ведь молился, и баба Дуня всем про это рассказывала. «Батюшка у нас старец», – серьезно добавляла она. Перед сном она зажигала перед иконами лампадку, крестилась, кланялась, а потом лампадку гасила. Это была ее молитва. Всех, кто к ней приезжал, баба Дуня кормила, укладывала спать, а на следующий день выходила на пристань провожать и обязательно махала им ручкой. Вот и всё.

12

Однажды в зимние студенческие каникулы к отцу Николаю приехали три девушки, три студентки филологического факультета.

– Слава Тебе, Господи, не утонули! – сказал отец Николай и перекрестился: девушки ведь шли по льду с большими трещинами и страшно боялись. Рыжая собачка бежала за ними и тихо скулила, а потом отстала, потому что совсем испугалась.

Батюшка провел девушек в церковь и велел сделать перед иконой три поклона Царице Небесной. Потом он узнал, что все три учатся на филологов, и обрадовался. «Так запомните же вы, что частицы *же, ли, бы* пишутся без черты!» А потом сказал одной, кем она будет, назвал два основных ее занятия в жизни. А двум другим не сказал. Хотя было и им что сказать: одна из них стала монахиней, а другая – женой священника. Но отец Николай сказал только третьей, все правильно, всё сбылось потом, каждое его слово, только почему ей одной – неизвестно. Наверное, потому, что она была самая беспокойная. Фамилия ее была Кучерская.

13

«Ухожу от вас», – грустно говорил отец Николай и крестился. Все замирали и не могли от скорби дышать. «Но не навсегда», – добавлял батюшка и улыбался.

14

«Прошел мой век, как день вчерашний,
Как дым промчалась жизнь моя,

И двери смерти страшно тяжки
Уж недалеко от меня», —

всем, кто приезжал к нему, батюшка читал эти стихи. Все думали: это батюшка пророчливо предсказывает свою кончину. Но годы шли, а батюшка жил да жил и по-прежнему читал эти стихи. Он говорил, что проживет сто четыре года, однако умер в девяносто три. Накануне отец Николай вымылся, облачился в священническое облачение, взял в руки крест, лег и умер.

Отец Тихон

1

В одной деревне родился мальчик. Отец его был кузнец, а мать — простая крестьянка. В детстве он кормил кур, сеял, боронил, смотрел, как отец стучит молотом по огненному железу, но больше всего на свете любил играть в священника. Брал плоску, привязывал ее к веревке, насыпал в плоску камешков и кадил по всему дому. Потом мальчик вырос, выучился (а он очень любил учиться) и стал учителем. Он преподавал в школе физику и математику, и дети его любили, но не безумно. Больше любили физкультурника, он играл с ними в футбол. А потом этот человек наш женился, у него родились сын, дочь, и он стал батюшкой. Не очень-то рано — ему было уже пятьдесят лет. И опять ничего особенного он не делал, просто ходил в церковь, служил там какую положено службу, литургию и всенощную, отпевал, венчал, а бывало, что и покрестит. Он очень смешно смеялся, странно и немного чудно, и кто слышал его смех, сам смеялся от такого смеха. С людьми батюшка разговаривал ласково, и ручки у него пахли чем-то легким и сладким, только это было совершенно неважно, он мог молчать, и ручки могли не пахнуть. Просто когда он смотрел на человека, человек не знал, что от счастья делать.

У него был плащик, и была шляпа, и были сапоги. Он в них ходил по улице, от храма к своему деревянному дому. В доме его ждала жена, которая в старости могла повторить за полчаса один и тот же вопрос одиннадцать или шестнадцать раз. Он отвечал ей все шестнадцать раз и не сердился. И когда писал ей в разлуке письма, подписывался: «Тиша».

2

По его молитве Господь сотворил множество чудес: кто-то исцелялся, кто-то решал свои семейные проблемы, у кого-то исполнялась заветная мечта, кто-то прощал того, кого не мог простить целую жизнь, всё было как и у всех старцев, только это было совершенно неважно.

Цикл четвертый

Чтение для впавших в уныние

Лакомка

Один инок заунывал и решил повеситься. Ну, надоело как-то всё, достали человека. Снял в келье люстру, подергал крюк – вроде крепкий, веревочку хорошенько намылил – мыло «Клубничное», пахучее такое, противное, начал уже стол пододвигать, смотрит: на столе лежит конфета. «Стратосфера», самая любимая его с детства, там еще розовые ракетки улетают в синий открытый космос. Конфеты дали вчера в трапезной на обед ради престольного праздника, а он сберег, да и забыл. Ладно, думает, съем, а там уж повешусь. Развернул конфету, в рот положил, а фантик – фьють! – и улетел на пол. Непорядок. Он тут повешенный висит, а на полу фантик. Нагнулся инок поднять, а в щели между досок бумажка какая-то валяется. Вытаскивает, а это список имен – вот он где, оказывается, одна женщина накануне дала ему, просила помолиться. А он так и не помолился, потерял листочек, а он вот где, оказывается. Ладно, думает, хоть перед смертью помолюсь, все-таки на один грех меньше. Зажег лампадку, перечислил всех, усердно обо всех помолился, тут и гонг зазвонил – к ужину зовут, даже раньше обычного. Так и не повесился, на ужин пошел – может, опять «Стратосферу» дадут или хоть «Мишку на Севере». Иногда оставалось на следующий день.

Весельчак

Одного инока сжирала черная тоска. Он уж и так с ней, и эдак – не уходила. И был он в монастыре самым веселым человеком – всё шуточки шутил, всё посмеивался. Только в последний год инок погрузился и стал тихий, тоска его совершенно оставила, и можно было уже не шутить. Он вдруг начал слабеть, ослабел и умер. Во время его отпевания в храме разлилось благоухание, многим показалось – расцвела сирень. А это отец Василий победил дьявола.

Победа православия

В прошлой жизни отец Анатолий был программистом. Шептались, что гениальным.

Поступив в монастырь, ни по чему так он не тосковал, как по любимому компьютеру – обустроенному, с «Избранным» любимых ссылок, с автоматически меняющимися заставками, выплывающим при утренней загрузке облачком с прогнозом погоды, почтальоном Печкиным, сообщающим о приходе нового электронного письма, разными играми да забавами – в общем, со всем большим хозяйством, накопленным за годы студенчества, но сознательно оставленным в далеком Санкт-Петербурге – ради борьбы с привязанностями и спасения души.

Первые полтора года отец Анатолий (тогда еще просто Паша) провел на обычных для новоназначенного послушаниях – работал на стройке нового корпуса, косил траву, рубил дрова, то есть исполнял по преимуществу физическую работу. Когда же искус кончился и он был пострижен в рясофор, настоятель монастыря, незлой в принципе человек, начал выяснять, на что отец Анатолий годен еще, и, выяснив, весьма обрадовался. Дело происходило в конце 90-х, новые технологии наступали на пятки, два новеньких компьютера монастырю уже пожертвовали, но оба стояли неосвоенные, потому что умного хозяина на них не находилось. И дал отец настоятель отцу Анатолию новое послушание – оснастить компьютеры

всем необходимым, завести настоятелю личную электронную почту, создать монастырский сайт – в общем, сделать всё, как в цивилизованных странах, и даже лучше.

Отец Анатолий заметно ожил. Уговорил настоятеля приобрести сканер, несколько раз ездил в деловые командировки за необходимыми для новой компьютеризированной жизни закупками. И вскоре у монастыря появился скромный, зато ежедневно обновляемый сайт с новостями, изречениями святых отцов, проповедями, постоянно пополняемой библиотекой душеполезной литературы, которую отец Анатолий активно сканировал. Отрывался от монитора «компьютерный батюшка» только на службы и трапезу, иногда даже ночевал на жестком диванчике возле своих возлюбленных железок. Всё что-то совершенствовал и над чем-то усердно трудился. Спустя некоторое время выяснилось, над чем.

И потянулись к нему иноки. Отчитав положенные правила и положив все поклоны, поздним вечером приходили они к отцу Анатолию посражаться в компьютерные игры. И нередко засиживались до зари. Особенно, конечно, молодежь. Пустых стрелялок-лопалок-тетрисов отец Анатолий, само собой, не держал, только чинные шашки, шахматы, но главное – еще две игры, написанные батюшкой собственноручно, долгими монастырскими ночами. Они-то и пользовались наибольшим спросом.

Первая называлась «Семь смертных грехов».

После заставки с отрывками из Иоанна Лествичника, напоминающими, как бороться с каждым из грехов, начиналось увлекательное путешествие. Фигурка монаха в черной рясе усаживалась на мотоцикл и отправлялась преодолевать соблазны, изображенные отцом Анатолием с большой выдумкой.

На первой остановке, «Тщеславие» (говорим это для читателя, потому что в игре никаких предупреждений о том, с каким грехом предстоит сражаться, не делалось), монаху предлагалось прочесть надпись над воротами в средневековый готический замок: «Плох тот монах, который не мечтает быть архиереем». Затем ворота с легким, намекающим на опасности скрипом отворялись, и радушные слуги вели монаха из залы в залу, более напоминавшие музейные комнаты. В каждой демонстрировались архиерейские облачения и головные уборы, один другого краше. Разрешалось даже примерить их на минутку, но если наивный пробовал выйти из замка, забыв снять с себя сверкающую бриллиантами архиерейскую митру или даже (глупец!) патриарший куколь, из-за экрана раздавался отвратительный демонический хохот, и тщеславный гордец летел в огненную реку. Лишь тот, у кого хватало ума примерить и снять наряды, а потом уйти восвояси, попадал на следующий уровень.

Здесь игрока соблазняли богатствами мира сего – уютной кельей-домиком с деревянной банькой (а из трубы уже вился дымок), банковскими счетами с сотнями долларов, машинами всех моделей и марок, рясами всех цветов и оттенков. На третьем уровне инока дразнили чуть не райскими монастырскими обителями. Насельники в них жили каждый в отдельной квартире, делали, что желали, а отец игумен был у них на посылках. Только того, кто не завидовал чужому счастью и не пытался здесь остаться, ждал новый уровень – «Гнев и раздражительность». Тут на экране просто вспыхивали красными буквами обидные прозвища. И вот что поистине изумления достойно: иные игравшие срезались именно тут, не умея понести этих детских, в сущности, обзывалок. «Эх ты, чернозадый!», «Вонючка», «Недоделанный», «Много на себя берешь, придурок», «В патриархи захотел?» – смеялся экран. Однако игроки-то понимали, что сочинил это все отец Анатолий, принимали за личную обиду, надувались, мстительно нажимали на тихо всплывавшие слева облачка с ответами и, совершенно насладившись «Сам дурак», «Да пошел ты», «Ишь ты, программист хренов», летели... понятно куда. В бушующую огненную реку.

Самые же стойкие отправлялись дальше – и тут у них спрашивала дорогу одна милая девушка, затем просила помочь сменить колесо другая, третья жалобно просила ее подвезти, четвертая в образе лягушки умоляла поцеловать и спасти от чар – однако вступать с

девушками и лягушками в разговоры ни в коем случае было нельзя. Пройдя и этот уровень, игрок видел сообщение, что он давно и серьезно проголодался, – тут же на пути выскакивал роскошный ресторан. С баром, уставленным напитками всех мастей, с кухнями всех народов мира. Важно было заметить рядом с рестораном скромную избушку – и остановиться возле нее. Только там изголодавшийся игрок получал стакан воды, три корочки хлеба, а также право двигаться дальше. Тут начинался дождь, монах вынужден был искать убежища, потому что мотоцикл не желал ехать по разбитой глинистой дороге, и убежище находилось... в собственном же монастыре, довольно правдоподобно отцом Анатолием изображенным. Дальше все шло тоже очень похоже на обычную монастырскую рутину: длиннющие службы, постная трапеза, какие-то мелкие обидные стычки с братьями, дополнительные неожиданные послушания – словом, сплошное уныние, это было, конечно, оно; игроку уже не шутя казалось, что отец Анатолий с этой частью явно подзатынул, но едва он соглашался с коварным предложением немедленно закончить этот этап и пойти развеяться – например, поиграть в игру на компьютере, как сейчас же... Ясное дело. Огненная река. Так что всё было весьма назидательно.

Ну а для тех, кто предпочитал развлечения попроще, любимой стала игра «Победа православия». На самом деле просто футбол. Только в одной команде сражались бородатые православные батюшки, а в другой – безбородые католические ксендзы. За ксендзов играл компьютер. Игра была так устроена, что едва счет оказывался не в пользу наших батюшек, ксендзы обязательно грубо нарушали правила, и им назначался пенальти. Православные не могли проиграть по определению. И побеждали всегда.

Рейтинг отца Анатолия в монастыре рос на глазах. На игру к нему стали записываться, потому что в одну ночь все желающие уместиться перестали, отец Анатолий, измученный, но счастливый, отсыпался днем, а настоятель всё это терпел, понимая, что другого такого специалиста ему не найти...

Срезался отец Анатолий на создании монастырского варианта знаменитой «Цивилизации» – он уже почти всё доделал, добил, для этого вел обширную переписку с коллегами из Москвы и США, вступил в общество «Компьютерный гений», подписался на несколько важных рассылок.

Только в игре отца Анатолия нужно было создать не государство, как в «Цивилизации», а большой монастырь, с сельским хозяйством, постройками, братией. Игрок, разумеется, и был настоятелем, так к нему и обращалась игра: «Досточтимый отец настоятель!» Тут-то настоящий отец настоятель и велел отцу Анатолию «все эти художества» стереть. Без права восстановления. И не потому, что настоятелю было обидно или он преследовал своим запретом высокие духовные цели. Просто – «поиграли, и хватит», устал он уже от того, что иноки от этих игр стали как больные, с послушаниями после ночных бдений едва справлялись и вообще отбились от рук. Никакие объяснения отца Анатолия, что его игры – необыкновенные, душеполезные, не помогли.

Батюшка сотворил, как повелели. Стер обе игры, стер и третью, недоделанную «Цивилизацию». Однако плакал после разорения дела своей жизни целую неделю, даже заболел от расстройства ветрянкой. Как вдруг утешился. Один паломник шепнул ему на ушко, что дело его не умерло, но живо, что на московской Горбушке продаются и «Семь смертных грехов», и «Победа православия» – потому что игры эти давным-давно и без всякого ведома отца Анатолия скачали проворные хакеры, а потом размножили для общего употребления. И прославил отец Анатолий Господа так горячо, как, возможно, никогда в жизни. Но вот удивительно – компьютерными играми с тех пор навсегда переболел.

Дубовичок

Один юноша все время убегал из монастыря. Как весна – так тянет его на родину. Накопит денег на билет, и раз – уже дома. Поживет чуть-чуть дома, отоспится, поест хорошенько, наглотается мамкиных галушек до отвала, и вроде снова скучно, хочется в монастырь. Что делать – берет обратный билет, возвращается, падает игумену в ноги, кается, умоляет простить.

Игумен был человеком мягким, да и работники в монастыре нужны, что ж поделаешь – даст юноше, конечно, три наряда вне очереди, пошлет чистить на кухню картошку или драить трапезную, но все-таки примет.

Так повторялось несколько раз. Наконец юноше это надоело. После очередного побега он приехал в монастырь с толстой длинной веревкой и уже не пошел ни к игумену, ни к братии, а, забравшись в самый дальний угол святой обители, привязал себя к громадному многолетнему дубу, завязав веревку тройным морским узлом.

Братия вскоре обнаружила его и просила эти глупости бросить. Но юноша никого не слушал, всё больше молчал и проводил привязанный к дубу дни и ночи, несмотря на сильный холод, дождь, а потом и снег. Его пытались оторвать силой, смеялись над ним, звали даже врача. Но юноша был тверд. Старец же только слабо махнул рукой: «Оставьте его». Плотник монастыря сколотил ему небольшую будку, в которую юноша залезал в сильную непогоду. Печник сложил в будке маленькую печку. Монахи приносили ему простую пищу и дрова. Сам игумен несколько раз приходил к нему и умолял не мучить себя, а поберечь свое молодое здоровье и вернуться работать в мастерские – юноша хорошо знал столярное дело. Но юноша отвечал: «Если отвяжу веревку, снова убегу, и работника у тебя все равно не будет, прости меня, отче». Он прожил в своей будке под дубом много лет и, когда его веревка совсем сгнивала, просил принести себе новую. В старости у него отнялись ноги, и только тогда он позволил перенести себя в келью. Однажды ночью два приехавших в монастырь паломника увидели, что от кельи его восходит в темное небо сияющий столб. Но это было только один раз, а больше никаких особенных чудес не было. Сам же он звал себя «старичок-дубовичок».

Древо познания

На Красную горку Таня и Гриша повенчались и вместо свадебного путешествия решили отправиться в паломничество. Без лишней одежды, без продуктов, взять только немного воды, хлеба и идти от монастыря к монастырю. Где пустят переночевать, там и благодарствуйте. Где накормят, там и спаси Господи!

В путь они отправились рано утром, через день после венчания, три часа ехали на электричке, а потом вышли и пошли пешком. У Гриши все церкви были обозначены на карте одним крестиком, а монастыри двумя. При удачном раскладе к вечеру они должны были дойти до первого пункта – Вознесенского монастыря. И вот шагают молодожены по дороге, поют молитвы, читают Иисусову, потом отдохнут, слегка закусят, снова идут. К вечеру они сильно устали. Особенно Таня, которая страшно проголодалась, потому что две булочки с ключевой водой – это все-таки мало за целый день. И говорит Таня Грише ласковым голосом:

– Смотри, вот малина свешивается через забор. Давай сорвем? А вон горох...

Гриша, который тоже был голоден, сначала молчал, но в конце концов ответил:

– Сразу видно – женщина! Жила бы ты в раю, поступила бы точно так же, как Ева.

– Это как? – уточнила Таня.

– Сорвала бы плод с древа познания и съела.

– Я? Да ни за что. Вот и Адам все свалил тогда на женщину, а сам-то!

Гриша только засмеялся:

– Если бы Господь запретил мне, я не послушал бы никакой Еву.

На землю спустились сумерки. Таня с Гришей как раз подходили к новой деревне. «Никишкино!» – громко прочитала Таня. А Гриша посмотрел в карту и понял, что в монастырь, в который они надеялись прийти к вечеру, уже не успеть. По крайней мере засветло. И они решили рискнуть – попроситься к кому-нибудь на ночь, прямо здесь, в Никишкино.

В двух местах им отказали, а из третьего домика выглянул дед в зеленой байковой рубашке и сказал: «Заходите». Таня с Гришей обрадовались! Тем более что дед кивнул на стол, на котором полно было еды, и велел им ужинать. Но сам начал куда-то собираться.

– А вы с нами разве не поужинаете? – спросили вежливые Гриша и Таня.

– Кур пойду запру, – ответил дед вполне дружелюбно. – Вы пока тут одни поешьте. Каша, картошка, старуха всего наготовила да к дочке сегодня поехала, в Кутомкино, не вернется. Чай грейте. Только эту алюминиевую кастрюлю на подоконнике не трожьте.

И ушел.

Таня углядела маленькую бумажную иконку в комод, супруги прочитали молитву перед едой, потом плотно поужинали, и всё им показалось таким вкусным и свежим. А старик всё не возвращается. Поставили они чайник, Таня и говорит:

– Вот бы пирожков. С вареньем! Моя бабушка, когда пекла пирожки, всегда складывала их точно в такую же алюминиевую кастрюлю.

А Гриша ей отвечает:

– А у меня бабушка в такой кастрюле обычно блины оставляла, только еще в одеяло кастрюлю уворачивала, чтобы не остыли.

Таня заспорила:

– Ну какие блины! Тут пирожки. Люди небогатые, вазочки у них нет, вот и приходится в кастрюлю складывать.

А Гриша ей:

– Говорю тебе, блины!

А Таня:

– Пирог с вареньем.

Тут Гриша совсем уже рассердился и говорит:

– Ну давай проверим.

Открыли они кастрюльку, а оттуда – мышь. Юрк! – и убежала под стол. Тут и старик заходит. И кошка вместе с ним – трется у хозяина меж ног, мяучит, явно просит животное есть. Старик подошел к подоконнику, открыл кастрюлю, да только руками развел.

– Эх, вы! Это же был кошкин ужин.

Все волосы сочтены

Анна Трифоновна была одинокой, никого у нее не осталось, муж давно умер, сын погиб в горах, и жила она одна-одинешенька, а по воскресеньям и на все праздники ходила в церковь. Потому что Анна Трифоновна была верующая, и так уж вышло, что в старости намного больше, чем в молодые годы. И вот Анне Трифоновне исполнилось семьдесят четыре года, она сильно ослабела, но в церковь все-таки старалась ходить и переживала только о том, что умрет без отпевания, как какой-нибудь нехрист. Потом-то, может, и вспомнят, догадываются, что умерла, или узнают и – помянут, но вот в последний путь придется отправиться без напутствия, соседям-то все равно. И всем она об этом рассказывала, что вот, мол, умру, а кто ж меня отпоет. И даже утирала маленькие старушечьи слезки. А батюшка этой церкви, в которую ходила Анна Трифоновна, называлась святителя Николая, ей отвечал: «Посмотри

на птиц небесных. Не сеют, не жнут, а Господь заботится о них. Вот и тебя не бросит, не бойся». Но Анна Трифоновна все-таки боялась.

Прошло время. В Никольскую церковь привезли на отпевание одного старичка. Сам он был неверующий, родственники тоже были неверующие, но поскольку все – русские люди, дочери решили своего папу отпеть. Может, и им тогда будет лучше, здоровья, например, прибавится и вообще. Привезли гроб из морга, вынесли из автобуса, поставили на табуретки, дочери уже начали подвывать, открыли крышку, а там... Не он! «Это не папа!» – закричали дочери. «Это не дедушка!» – подтвердил двадцатилетний внук покойного, Петя. Потому что в гробу лежала бабушка. В морге перепутали покойников. Бабушкой оказалась та самая Анна Трифоновна, которая боялась, что ее не отпоют, священник сразу узнал ее.

Так и отпели бабушку. Ну и дедушку уж заодно, его потом тоже привезли в церковь.

О любви

Рясофорный инок Андрей принял мантийный постриг с именем Савва. Накануне ему исполнилось двадцать шесть лет. Постриг проходил тихо, а вместе с тем торжественно, свечи сияли, братия умилительно пела – и каждое слово западало Андрюше в самую душу, так что невольные слезы текли у него по лицу. Трижды архимандрит бросал ножницы, трижды Андрей поднимал их и слышал наконец свое новое имя – Савва.

После братских приветствий и скромной трапезы иеромонах Савва отправился в церковь, где должен был, по обычаю этого монастыря, провести три дня и три ночи в молитвенном бдении, «дондеже уснет», как добавлял их снисходительный к немощи человеческой архимандрит. Прочитал отец Савва правило, положил несчетно земных поклонов. Вдруг слышит какой-то странный шорох – прямо здесь, в церкви! Будто рядом живое существо. Господи Боже, вот искушение! Тут же вспомнил гоголевского «Вия», но взял себя в руки, перекрестился, помолился от души. Положил еще с десяток земных поклонов, прислушался – тихо. Присел наконец, утомленный, на низкую лавочку и слегка задремал, сам того не заметив. А открыл глаза – за окном едва занимается зорька, и в дальнем углу церкви вновь шорохи, странное сопение, чуть не храп. «Да ведь уже утро! Вся нечисть должна пропасть!» – думает Савва. А все равно страшно. Пел ли уже петух? Неизвестно. И в церкви совсем темно. Превозмогая ужас, вышел он из алтаря и отправился с зажженной свечой туда, в дальний угол, где продавали книжки и свечки и откуда чудились ему неясные звуки.

Подошел к прилавку. И что же? За прилавком, стоя на коленях, прислонясь к стене, крепко спит игумен Филофей, его возлюбленный о Господе духовник и советчик. И посапывает, как младенец. А иногда и легонько всхрапнет!

Тут вспомнил Андрюша, как жаловался отцу Филофею за несколько дней до пострига, что с детства побаивается пустых и темных помещений и одинокая ночь в церкви его страшит. Тогда отец Филофей строго велел ему ничего не бояться и возрастать в мужестве, сам же тайно пришел поддержать ученика в ночном бдении. На цыпочках вернулся иеромонах Савва в алтарь: только бы не разбудить авву.

Отец Павел

1. Какой он был

Отец Павел был душка. Часто выкрикивал «ой, зараза!» и другие неприличные слова. Пел народные песни. Рассказывал про себя смешные истории. Образование у него было «низшее, один год», как значилось в его «личной карточке арестованного». А лет ему исполнилось уже восемьдесят пять. Глаза у него ничего не видели: сказывались пытки электриче-

ским светом в 1941 году. И ноги у батюшки почти не ходили, его водили под руки: келейница Марья Петровна справа, добровольцы слева. «На таком веку – покрутишься и на спине, и на боку!» – говорил батюшка. Некоторые смотрели на него и плакали – только он не давал, начинал шутить.

2. Молога

Родился отец Павел в деревне Молога, на реке Молога. Молога впадала в Волгу, и бурлаки тащили по ней баржи. Потом деревню затопило Рыбинское водохранилище. Перед этим Павел с отцом разобрали родную избу, сплывили ее по бревнышку вниз и поставили снова неподалеку от города Тугаев. Там и стали жить.

3. Медовая радость

В четыре года отец Павел попал в Афанасьевский Мологский женский монастырь, к бабушке и теткам-монахиням, и остался там, чтобы не обременять свою бедную семью. Сначала он выполнял несложную работу: собирал толстые сучья-дрова, пас цыплят, – а потом посложнее.

Однажды Павлуша вез с монастырской пасеки мед в бочке. Послушницам есть мед было не положено, но ведь все они были молодые, работали много, в поле, на огороде, и всё время хотели есть. Однако матушка строго вела учет и меду своим работницам не давала. Только маленький батюшка и тогда-то уже всех жалел. Приехал он с пасеки в монастырь, нашел в капкане крысу, взял чистую тряпочку, отер стенки бочонка, измазал тряпкой крысу и побежал к игуменье.

– Матушка! Что делать, крыса в бочке с медом утонула! – кричит, а сам держит крысу за хвост, а с мордочки у нее каплют светлые медовые капли.

Матушка страшно рассердилась:

– Чтобы этой крысиной бочки и близко к монастырю не было, вези-ка ее куда знаешь, но подальше!

Вот радовались послушницы, вот ласкали мальчика! Но и это еще не всё.

Стыдно стало Павлуше, что он обманул матушку, и пошел он к батюшке на исповедь, всё открыл, всю свою великую тайну про мед и крысу. Нахмурился батюшка:

– Велик твой грех, Павелко. Ну да если нацедишь мне бидончик, отпустит тебе Господь твое прегрешение за твое раскаяние и доброту...

Отнес Павел батюшке бидончик меда и тут же ощутил в сердце своем невиданную радость: хорошо-то как! Легко-то! Отпустил Господь грех.

4. Кормилец

И потом отец Павел всю жизнь всех кормил. В лагере он был бесконвойный, потому что должен был проверять железнодорожные пути и мог ходить без охраны. Но, исполняя свою работу и проверяя пути, он обязательно заглядывал в лес, собирал землянику, малину, рябину, что только мог, и нес голодным. А еще копал в лесу ямы, обмазывал их изнутри глиной и обжигал. Получались глиняные кастрюли, в которых он солил грибы и кормил заключенных. Множество людей отец Павел, тогда еще просто Паша, спас от голодной смерти. Как страшно голодать, он помнил с детства. Мать посылала его в четыре года ходить по избам и просить хлеба, потому что семья бедствовала. Отец ушел на фронт и воевал на Первой империалистической, а мать осталась с тремя детьми, Павел – старший.

5. Остановка «Отец Павел»

После возвращения из лагеря Павел стал батюшкой. Был он уже далеко не молодым человеком. И тридцать три года прослужил в сельской Троицкой церкви. Люди съезжались к нему отовсюду, всех званий и профессий. Остановку, на которой нужно было выходить, чтобы попасть в село, все так и называли: «Отец Павел». Батюшка часто повторял: «Не народ – слуга священника, а священник – слуга народа. А сейчас-то всё наоборот!»

6. Духовная академия

К отцу Павлу часто приезжали батюшки посмотреть на живого старца, помолиться вместе, спросить духовного совета. Батюшка служил мощно, низким голосом, и разговаривал с живым Богом. А потом выходил на солею и говорил: «В морду бит!» Это была его проповедь. Но люди и батюшки, приехавшие к нему послужить, конечно, ждали еще что-нибудь и, сидя потом за столом, смотрели отцу Павлу в рот. Тогда он говорил: «Академия дураков!»

7. Телевизор

На двадцатипятилетие священнического служения администрация района подарила отцу Павлу телевизор.

– А я насрал на ваш телевизор, – пожал плечами отец Павел. Он считал, что монахам телевизор ни к чему, и поставил его к себе в комнату вместо тумбочки.

8. Монахи не унывают

Однажды отец Павел лежал в больнице. Только что ему сделали операцию, и прошла она неудачно. К тому времени отец Павел почти не видел. И стало ему грустно. Вот лежит он в палате, старый, слепой, больной, и унывает. Первый раз в жизни! Пытали – не унывал, били – не унывал, голодал – не унывал, а тут поселилось в душе уныние.

Как вдруг дверь растворилась, и в палату вошло несколько человек – все в рясах и черных клобуках.

– Посмотри, кто к тебе пришел! – сказал один.

Приподнялся отец Павел – ба! Это же те монахи, с которыми он сидел в тюрьме, в лагере, кого замучили и убили, кого давным-давно нет в живых. Вот какие посетители пришли к нему в районную больницу. И видел он их так ясно, каждое лицо, каждую складку на одежде.

– Отец Павел! – сказал один из них. – Монаху не подобает унывать.

После этого все они тихо вышли. А отец Павел тут же повеселел. С тех пор уныние к нему больше не возвращалось.

9. Комплексный обед

Однажды отец Павел, уже старенький и полуслепой, попал в большой город. Вместе с одним митрополитом он отслужил там службу. Митрополит дал отцу Павлу денег на обратную дорогу, и они расстались. До поезда оставалось время, и отец Павел решил пообедать.

Заходит он в кафе, а девушка за стойкой говорит ему:

– А вы, дедушка, лучше уходите, вы плохо одеты.

И смотрит на его ноги. А на ногах у отца Павла – валенки: когда он уезжал из своей деревни, стояли морозы, а приехал в город, наступила оттепель, и с валенок на пол натекли лужи грязи. Пальто у батюшки тоже старое, ношеное, и чемоданчик в руке – вытертый, со

священническим облачением внутри. Девушка, видимо, решила, что это какой-то бродяга. Отец Павел ушел.

Приходит в другое кафе, больше похожее на столовую, ему говорят:

– У нас тут комплексные обеды!

– Что ж, – отвечает отец Павел, – это хорошо.

Поставил у ножки столика чемоданчик, взял поднос, получил на него комплексный обед – первое, второе и компот. Поставил обед на свой столик, только собрался поесть – забыл ложку с вилкой. Пошел за ложкой с вилкой, возвращается – а за его столиком сидит какой-то мужчина и ест его первое. Вот тебе и комплексный обед. Сел отец Павел напротив и, ни слова не говоря, начал есть свое второе. Съел второе, хлеб по карманам разложил, а компот с тем мужчиной поделили поровну.

Тут мужчина встает и идет к выходу. Отец Павел глянул невзначай под стол – а чемоданчика-то и нет! Тот жадина украл. Съел половину его обеда, да еще и чемодан унес. Встал отец Павел из-за стола, побежал за вором, вдруг смотрит – стоит его чемоданчик. Только у другого столика. И обед на нем нетронутый. Перепутал! А мужчины того и след простыл. Тут у отца Павла даже голова заболела – вот ведь какой человек смиренный оказался, ни слова не сказал, когда отец Павел половину его обеда съел!

Цикл пятый Приходские истории

Супермен

Один батюшка был суперменом. Звонит ему бабушка и говорит: «Батюшка, закрылась дверь, ключ остался внутри, не знаю, что делать». Батюшка приезжает, выбивает дверь ногой, чинит замок, уезжает. На следующий день звонят две сестры: раскрутились, стали бизнесменками, но вот наехали бандиты, грозят всё сжечь. Батюшка тут же едет на бандитскую стрелку, посмеиваясь глядит на оттопыренные карманы братков, быстро всё всем объясняет, братки соглашаются больше не наезжать, батюшка уезжает. Вечером после службы подходит к батюшке плачущая мать: пропал сын, четырнадцатилетний подросток, связался с плохой компанией, вторую ночь не ночевал дома. Батюшка созванивается с нужными людьми, договаривается с милицией, служит акафист, к вечеру милиционер приводит мальчика за ручку домой.

С бесноватыми батюшка тоже был на короткой ноге. В середине службы входит в церковь ненормальная женщина, начинает страшно кричать, батюшка выходит из алтаря, поднимает женщину под локотки, выводит из церкви, возвращается в алтарь, продолжает служить. Один дедушка вообще чуть не умер дома от голода, все о нем забыли – батюшка вспомнил, покормил, причастил, дедушка до сих пор живет. У другого человека заболела раком жена, он пошел с горя первый раз в церковь, наткнулся на батюшку. Батюшка три дня подряд служил заздравный молебен. Через неделю рака у жены как не бывало. Врачи кричали, обзывали ее симулянткой, а она шла домой и смеялась на всю улицу, никого не стеснясь. Этим историям нет конца. Кого-то батюшка спас от отчаянья, кого-то от смерти, кому-то помог разобраться в отношениях с мужем, кому-то с женой, о ком-то помолился, и тому на следующее же утро вручили ордер на трехкомнатную квартиру, о ком-то еще помолился, и девушка нашла себе жениха. Другой удачно сдал трудный экзамен, третья наконец родила, седьмой просто понял, что хорошо, а что плохо, сорок девятый раздумал бросаться с восьмого этажа.

И всюду он ездил, проповедовал, помогал, утешал. Так прошло двадцать три года. Как вдруг с батюшкой что-то произошло. Он делал всё то же самое, приезжал, причащал, только утешать уже никого не мог, как будто забыл все нужные слова. То есть иногда он даже вспоминал и произносил те самые слова, какие говорил в таких случаях обычно, но получалось мертво. Удивительное дело: люди этого практически не замечали, видно, всё покрывала благодать священства, и батюшка по-прежнему был дико популярен, в храм его стекались толпы, исповедь длилась за полночь, словом, внешне все оставалось так же, только его келейник Миша да матушка видели: батюшка уже не тот.

Но батюшка с ними почти не разговаривал и на все вопросы близких отвечал кратко: «Просто я уже умер». Ему, разумеется, не верили: как это умер? А кто это говорит сейчас с нами? И не верили. Однако батюшка служил все реже, а потом почти перестал принимать людей, не обращая внимания ни на чьи слезные просьбы, и всё свободное время проводил у себя в комнате. Там он сидел и смотрел в одну точку. А когда к нему обращались, говорил: «Меня нет дома». Или, как обычно: «Я умер». Ему все равно никто не верил. Приходили врачи, кормили батюшку разными таблетками, делали ему массаж, подбадривали, и в общем все понимали: устал человек. Но батюшка не устал, он лег и умер.

Затвор

Один батюшка начал избегать людей, перестал оставаться после служб на душеспасительные беседы, ездить к чадам в гости, больше не вникал в их дела и как будто просил теперь только об одном – оставьте меня, я больше не могу. Но люди его не оставляли, они привыкли за двадцать пять лет и звонили, просили, звали. И тогда батюшка сделал так – полетел на Байконур, договорился с космонавтами, потому что обаяние у него было бешеное и договориться он мог с кем угодно о чем угодно без проблем, и его легко присоединили к новому экипажу, который как раз готовился к полету. После нескольких месяцев подготовки батюшка полетел с ними, абсолютным инкогнито, для него конструкторы устроили специальный отсек, чтобы он не был замечен при телетрансляциях. И вот батюшка улетел. Смотрит теперь на голубенькую землю в иллюминатор, летает в невесомости, ест, спит, смеется и просится остаться на станции сторожем, только бы не возвращаться на землю!

Сеанс

Отец Константин был большой затейник. За это его все любили. И ходили к нему за советом. Вот и Паша Егоров решил спросить у батюшки, что ему делать. Четыре года назад Паша женился, женился по большой любви, на Вике Кондратьевой из отдела информации. Вика была не то чтобы красавица, но очень стройная, голову держала высоко и ходила красиво длинными ногами в туфельках на каблучке – в общем, жить Паша без нее не мог. И даже когда женился, не разлюбил, а только полюбил ее еще сильнее. А Вика, наоборот, с Пашей сначала вроде бы ничего, и обед приготовит, и поцелует даже, а потом стала скучать. И домой возвращаться не спешила. То с подружкой где-то задержится, то в магазин после работы поедет, они ведь вон как теперь, круглосуточные все стали, после работы самое время. А Паша дома сидит и чуть не плачет, даже в окно выглядывает. Вичка его честная была, и не к кому ее было ревновать, но все равно обидно. Муж дома сидит, а жена и носу не кажет! Начались у них скандалы. А Вичка его обнимет и говорит: скучно мне, милый, дома. На работе бумажки, а дома кухня да ты. Скучно. А Паша ей: я тебе, что ли, клоун, тебя развлекать? Ну, и снова поругаются. И решил Паша обратиться к батюшке, к которому ходил четыре раза в год, постами, на исповедь, потому что Паша наш был человеком верующим. В отличие, между прочим, от своей жены.

Батюшка всё у Паши расспросил, но, пока расспрашивал, два раза зевнул, потому что Паша до того подробно излагал разные подробности, что батюшка ему ответил: «Ясно. Она думает, что ты зануда. Но мы сделаем так». И сказал Паше, что надо делать.

И вот снова Вичка где-то сильно задерживается, возвращается домой, звонит в дверь, а ей никто не открывает. Раз звонит и третий – тишина. Открывает она своим ключом дверь, а Пашины ботинки и куртка – вот они, в коридоре. Значит, он дома! Вичка немного настожила. Скидывает туфли, проходит в комнату, а в комнате не продохнуть от перегара, на полу крепко спит пьяный в дым Паша, и вокруг него на ковре валяются окурки и пустые бутылки. А надо сказать, что до этого Паша не брал в рот хмельного и курить пробовал только однажды, в шестом классе, но с тех пор завязал. Вичка стала Пашу толкать ногами, но Паша только мычал, а потом вдруг открыл глаза да как закричит страшным, хриплым голосом:

– Любимая! Ты пришла!

И снова упал головой на пол и захрапел. Но Вичка его все-таки растолкала и стала требовать объяснений.

– Любовь моя! Я напился с горя, – объяснил ей заплетающимся языком Паша, при этом все время глупо ухмыляясь. – Потому что тебя всё нет и нет. А я без тебя не могу жить.

Тут Паша подобрал с пола окурки и начал искать спички.

– А окурки ты зачем по полу разбросал? Так ведь и до пожара недалеко! – попробовала было напасть на него Вика, но поздно – Паша окурки выронил и снова уснул.

Тогда Вика кое-как Пашу раздела, перетащила на диван, укрыла одеялом, собрала окурки, вымела пепел, вынесла бутылки (одна из-под «Жигулевского», две «Невского» и «Столичная»), закрыла в комнату дверь. А сама села на кухне смотреть телевизор – как раз показывали «Женский взгляд» Оксаны Пушкиной, любимую Викину передачу.

На следующее утро Паша перед Викторией ужасно извинялся, целовал ей руки, умолял простить и всё повторял, что это он с горя. Вика его простила и всем девчонкам в своем отделе информации рассказала, как любит ее муж. Но через несколько дней Оля Мотина позвала ее на распродажу: магазин «Копейка» разорялся или что-то еще и устроил распродажу электроприборов по не-ве-ро-ят-ным ценам. Вчера Мотина уже купила там миксер, а сегодня хотела еще и соковыжималку – вчера просто не хватило денег. А Вичке как раз нужен был новый утюг. Возвращается она с коробочкой домой – Паша снова пьяный. Правда, лежит не на полу, а в кресле, и окурки плавают в чашке с водой. Но бутылок даже больше, чем в прошлый раз.

С тех пор Вичка стала приходить домой вовремя. И с Пашей ей вроде стало интересно – оказалось, он умел напиваться и курить. Опять же, есть что рассказать на работе подружкам.

Только чудо совершенно не в этом. Чудо в том, что никто из наблюдательных соседей так и не рассказал Вике, как ее муж два вечера подряд ходил по двору с пинцетом и двумя целлофановыми пакетами – пинцетом он поднимал окурки. А в другой пакет складывал пустые бутылки.

Никогда в жизни батюшка Константин так не смеялся. И сам с удовольствием рассказывал всем эту историю несколько лет подряд, пока не узнал случайно, что Вичка и Паша все-таки развелись.

Летчик

Митя Артемов любил исповедоваться. Ну, просто любил. Хотя очередь его доходила нередко и за полночь. И вот подойдет он к аналою и всё батюшке расскажет. Батюшка отпустит ему грехи, а Мите после этого кажется, что он идет, не касаясь земли. И чуть ли не целую неделю так и летает. И еще полнедели просто ходит, только каким-то особенным, легким шагом. Но к концу второй недели так и придавит его к земле, так и придавит, а тут, глядишь, слава Богу, снова суббота. Митин батюшка исповедовал вечером после всенощной, и снова начинался ночной полет.

Так прошло три года. И вдруг всё это кончилось. Поисповедуется Митя – и никакого эффекта. Так же идет по земле, как обычно. Решил Митя, что дело в батюшке, – батюшку поменял. Стало еще хуже. Потом подумал: может, каюсь я недостаточно, – стал внимательнее смотреть на себя и каяться стараться еще искреннее. Все равно. Всё так же.

Тогда Митя поступил в летное училище и с отличием его окончил. Он давно уже не ходит в церковь, но каждый раз, когда летит над ночной землей, вспоминает свою далекую юность, чувство невесомости и веселья, улыбается и крестится в ночное небо. Напарник давно к этому привык.

Братец Иванушка

Одна художница любила русское-народное. Она специально ездила на «уазике» со знакомыми реставраторами в дальние заброшенные деревни, заходила в полуразвалившиеся избы, забиралась на чердаки – и чего только не находила: сломанную прялку, цветной плетеный половичок, чугунный горшок, заржавевший серп, рваное лоскутное одеяло. Всё это художница потом реставрировала, чистила, подшивала. Однажды ей приглянулся деревянный буфет – весь истертый, ветхий, зато XIX века, с резьбой. В другой раз – обеденный стол, без резьбы, зато крепкий. Друзья-реставраторы художнице сочувствовали, понимали, что, если не спасти хоть что-то, все это добро так и сгинет, а потому покорно грузили в «уазик» ее находки и везли их художнице на дачу, в ее дачный домик. Постепенно этот домик превратился в настоящую крестьянскую избу. Голый деревенский стол, старый буфет, тертые половички, на кровати лоскутное одеяло, возле печи – горшок, деревянное иссохшее корыто с щелями. К тому же художница эта была большая мастерица. В основном, конечно, она писала картины (которые, кстати, пользовались большим успехом, висели в нескольких крупных музеях мира и продавались за весьма внушительные суммы), но еще занималась вышиванием и керамикой, лепила на гончарном круге тарелки и чашки, а потом сама их раскрашивала, всё в том же простеньком народном духе – ягодки, листки, кружочки.

Художница была, разумеется, верующей. И однажды решила, что пора бы ее избушку освятить. Пригласила для этого местного батюшку – рядом с дачей как раз располагалась церковь. Приготовила художница обильный обед, напекла пирогов, все помыла, почистила, ждет батюшку. Батюшка, отец Василий, уже старый, сгорбленный, седой, вскоре пришел. Отставил в сторону палочку, достал епитрахиль, почитал молитвы, покропил святой водичей и первый, и второй этаж, собрался идти. Художница, понятно, просит его остаться на обед, закусить чем Бог послал, протягивает ему щедрое пожертвование в конвертике. А батюшка и есть не хочет, и от пожертвования отказывается наотрез. Очень, конечно, смиренно, с поклонами да прощениями, но так и ушел, не пообедавши и не приняв за труды ни копейки. Огорчилась художница, но что тут сделаешь – пообедала приготовленным праздничным обедом, им же вечером и поужинала. А наутро поехала на велосипеде на службу – как раз было воскресенье.

Отслужил отец Василий литургию, держит для целования крест. Подходит в порядке общей очереди и наша художница, прикладывается ко кресту, а отец Василий останавливает ее и протягивает ей что-то завернутое в бумажку. Вот тебе, мол, бумажка. Развернешь дома. Что ж, думает художница, ладно. Села на велосипед и поехала обратно в свой этнографический рай. Приезжает, разворачивает. Батюшки! В бумажке-то пятьсот рублей.

Что бы это могло значить? И вдруг ее осенило: отец Василий, увидев, что буфет у нее совсем старый, на столе нет даже скатерти, на кровать наброшено лоскутное одеяло, решил, что художница – женщина очень бедная. Вот ведь даже вместо нормального тазика – корыто со щелями, вместо посуды – какие-то самоделки. На полу ни одного ковра – только какая-то ветошь.

И сердобольный батюшка решил хоть немного поддержать ее в ее бедности.

Пень

Одна девушка сильно увлеклась своим духовным отцом. Ходила на все службы, на которых он служил, внимательно слушала все его проповеди и записывала их на диктофон, чтобы потом еще раз послушать дома. Исповедовалась каждую неделю и старалась жить так, как скажет ей батюшка, то есть находиться у него в послушании. Несколько лет всё про-

должалось прекрасно, пока вдруг не начались прокруты. Всё вроде шло по-прежнему, так же девушка исповедовалась и так же слушала проповеди, но проповеди ей стали казаться скучны, а после исповеди она не находила в сердце перемен, как это бывало прежде. Тогда девушка стала молиться Богу, чтобы он вразумил ее, в чем же дело. Может быть, надо усилить пост? И вскоре она увидела во сне свою родную церковь, в которую обычно ходила. Только в углу, на том самом месте, где обычно исповедовал батюшка, рос высокий, насквозь трухлявый пенёк. По пеню бегали рыжие муравьи. Люди подходили по очереди и исповедовались пеню. В страхе девушка проснулась.

И поехала за толкованием в Лавру. Старец же сказал ей: «Детка, твой сон в руку. Только батюшка тут ни при чем. Трухлявый пенёк вырос в собственной твоей душе. И лучше тебе будет вовсе оставить своего авву, потому что слишком много человеческого примешалось к духовному. Вернее будет начать снова, в другом храме и с другим отцом. Смотри же, чадо! Впредь лучше наблюдай за собой».

Прозорливец

Леня Андреев стал наркоманом. Стал он им незаметно и долгое время не знал, что он настоящий наркоман. Кололся он героином, но еще чаще винтом, его близкий друг был отличным варщиком и Леню тоже потихоньку учил своему ремеслу. Ну, кололся и кололся. Кто сейчас не колется? Все равно ведь Леня захаживал в свой химико-технологический, сдавал и пересдавал сессии, только раз в неделю заезжал к другу. Но потом друг уехал по делам в другой город, и тут Леня понял, что подсел и ждать не может ни часа. Он сразу же позвонил другу друга, и тот ему помог. Вместе поехали на точку, затаварились и сварили винта. Потом старый друг вернулся, и всё пошло по-прежнему. Только чаще Леня стал к нему заезжать – все равно он уже наркоман, так что можно и почаще, и это будет даже честней.

Но однажды Леню, когда он пребывал под винтом в полной отключке, посетило видение. Видение было очень страшное, Леня кричал, плакал, просил его отпустить. Что он там видел, он так и не рассказал, но когда пришел в себя, как-то изменился в лице и первый раз в жизни пошел в церковь.

Там ему объяснили, что наркотики – гиблое дело, надо бросать. Только бросить-то – как? Ладно ломки, но тогда ж придется цель жизни себе какую-то придумывать, только где же ее взять? А без цели Леня жить не мог. Ему опять объяснили, в спецгруппе для наркоманов при храме, в которую он начал ходить, что цель жизни – спасение души. Но Леню и это не канал. Какое такое спасение души? Ну, значит, приближаться ко Христу, убеляться, очищать душу от страстей. А все равно не канал.

И Леня уже подумывал, не бросить ли этот кружок «Умелые руки», но новые знакомцы из антинаркоманского кружка его уже зацепили и говорят: «Бросай, конечно, только перед этим сходи к отцу Владимиру, он мужик крутой, тебе понравится». «Не хочу я ни к какому отцу Владимиру, – говорит им Леня, который тоже был не так прост. – А хочу я снова винта». Но только он сказал это, как тут же переменялся в лице: вспомнил видение. И пошел к отцу Владимиру, потому что чувствует: по уши уже ввяз в это дело, антинаркоманское, и деваться все равно некуда.

Отец Владимир его чуть-чуть послушал и вдруг начал рассказывать Лене его видение. Леня немного оторопел, а отец Владимир всё рассказал, только некоторые подробности упустил, но в целом пересказал правильно.

Леня задрожал и спрашивает: «Откуда вы узнали?» А батюшка только усмехнулся: «Просто я книжки читал. Ты ведь ад видел, самый настоящий, из книжек я про него и знаю. И не только из книжек», – тут отец Владимир как-то посуровел.

Ну а после этого Лёня уже стал его, с потрохами, пленил отец Владимир юную душу своей то ли прозорливостью, то ли и правда начитанностью и стал Лёниным духовным руководителем. Про цель жизни Лёня и думать забыл, просто стал отцу Владимиру помогать всякие церковные дела делать. А потом окончил институт, организовал строительную фирму, быстро процвел, и вскоре в храме отца Владимира тоже всё засияло, закончили наконец ремонт, пол выложили мрамором, накупили древних икон, стены расписали и украсили мозаикой. А началось-то всё с чего? С винта.

Еще через десять лет преуспевающий Лёня перебрался с семьей в Норвегию и там случайно познакомился с одним русским предпринимателем, владельцем другой крупной фирмы, разговорились, подружились домами. Тут Лёня и заметил, что над столом у предпринимателя висит фотография – предприниматель в юности, вдвоем с кем-то еще, и лицо вроде как страшно знакомое. Да это ж отец Владимир, только без бороды! Лёня так и подпрыгнул.

Выяснилось, что предприниматель когда-то учился с отцом Владимиром в одном институте, в одной группе. И вместе мальчишки баловались винтом. Но недолго. «Однажды у Вовика такой глюк был жуткий, орал он как резаный, и плакал, и ногами всех толкал. Еле очухался, – сообщил Лёне русский предприниматель за стаканом хорошего виски. – А потом рассказал, что вроде как чертей живых видел, и они над ним издевались. И после этого накрепко завязал. Видишь как, даже батей стал. Надо ему приглашение прислать. Вспомним молодость, погуляем».

«Это можно», – легко согласился Лёня.

Отец Митрофан

1

Отец Митрофан был настоятелем – ского монастыря. Был он высокого роста, с густой черной бородой, косматыми бровями. Глаза из-под бровей так и сверкали, а кулаки были как гири. В юности батюшка занимался боксом и до сих пор сохранил большую физическую силу.

Отец Митрофан никому не говорил: «Слушайся меня, чадо», но все его слушались. Нерадивых чтецов, которые не успевали подготовиться к службе, делали при чтении длинные паузы или ошибки, он бил типиконом по голове, и вскоре в монастырском храме остался один чтец. Этот читал уже без ошибок.

2

Несмотря на суровый нрав аввы, весьма многие стекались в монастырь, где он настоятельствовал, за наставлением и советом. Любящие его говорили о нем: «После беседы с аввой как после бани». Ненавистники же его качали головами: «Грубиян и хам».

3

Одна из преданных отцу Митрофану мирянок, студентка пединститута Настя Сахарова говорила: «Когда батюшка Митрофан благословит с утра, целый день ходишь потом как в теплой меховой шапке». – «Почему в меховой?» – «Греет батюшкино благословение».

4

Одна женщина пришла в церковь второй раз в жизни, случайно попала на исповедь к отцу Митрофану и сказала: «Во всем грешна». Авва же, желая вывести женщину из опасного ослепления, спросил: «Что ж, ты и мужу изменяла?» «Не помню», – отвечала удивленная женщина. «Пьяная, что ль, была?» – уточнил авва. Женщина же вначале соблазнилась о батюшке, но со временем обратилась к истинному покаянию и начала постоянно ходить в церковь. Правда, не к отцу Митрофану.

5

Однажды к отцу Митрофану подошла одна девушка, совсем молоденькая, лет, наверное, восемнадцати. И говорит: «Во всем грешна». И плачет. А по лицу видно – девушка хорошая, ясная, ни в чем, собственно, и грешна-то быть не может. То есть обычно все как раз говорили правду, что во всем грешны, а эта – явно ни в чем. Но девушка все повторяла: «Во всем, во всем!» Батюшка пытался ее утешить, но она была безутешна. И сквозь слезы вдруг произнесла: «Батюшка, вчера вечером, на всенощной, меня охватило такое покаяние, и я почувствовала такую к себе Божию любовь, что теперь вот плачу, и чувствую себя страшной грешницей, и какой грех ни вспомню, хотя бы в мыслях, но бывало со мной и это...» Батюшка больше ни о чем не спросил ее, а просто молча накрыл епитрахилью. И как-то с тех пор сильно поуспокоился. И даже если сказать ему: во всем грешна, не спросит, убила или изнасиловала, а просто кивнет. То ли девушка так повлияла, то ли просто уже устал.

6

Ольга Петровна, большая почитательница батюшки Митрофана, подошла к нему и, застенчиво улыбаясь, сказала:

– Батюшка! Вы... – женщина чуть запнулась, – как преподобный Серафим Саровский. Батюшка мотнул головой и зорко посмотрел на Ольгу Петровну:

– Сейчас объясню почему.

И ушел в алтарь.

Он вернулся не сразу, Ольга Петровна уже слегка заволновалась и всё думала, чем же это батюшка занят в алтаре, уж не молится ли, уж не сподобился ли видения и что же все-таки хочет ей объяснить. Неужели объяснит, почему он как преподобный Серафим?

Тут батюшка наконец вышел и сказал:

– Это потому, что вы – идиотка.

7

Если жена жаловалась на мужа, или на свекровь, или же на соседа, батюшка давал ей один и тот же совет: «А ты его убей».

– Как убей? – изумлялась женщина.

– Задуши подушкой или подсыпь в чай мышьяку.

Иногда же добавлял: «А можно отправить его на мясокомбинат и порезать на сосиски». После этого жаловаться на близких ему переставали.

8

Конечно, не на все жалобы отец Митрофан сердился. Когда какая-нибудь женщина рассказывала ему, что муж ее бьет, отец Митрофан просто сильно мрачнел. И велел передать

мужу, что, если он не прекратит, будет иметь дело с ним, с отцом Митрофаном. Но такие предупреждения мало на кого действовали. Несчастливая жена после очередных побоев снова приходила к батюшке.

Тогда отец Митрофан узнавал адрес, собирался и ехал к ней домой. Там дожидался, когда вернется муж, вставал перед ним во весь свой великанский рост и грозно говорил: «Только попробуй ее еще тронь!» Размахивался и пробивал громадным кулаком деревянную дверь. Или оставлял в стене глубокую вмятину. В случаях с пьяницами сжимал кулаком бутылку и давил ее. А бывало, просто опрокидывал плечом шкаф с одеждой.

Это было настолько страшно, что некоторые жены в ужасе убегали из комнаты. А мужа, даже выпив, больше не дрались. И дырки в стене или двери пытались поскорее заделать.

Сам отец Митрофан говорил про такие истории: «Если мужчина бьет женщину, значит, он трус, достаточно его слегка припугнуть».

9

Тем, кто собирался делать аборт, авва говорил:

– Роди, а потом оставь в коляске на морозе, как бы случайно. Попищит и замерзнет, и всё будет хорошо. Это грех меньший, чем аборт.

– Почему меньший? – удивлялась будущая мать.

– Проверь, увидишь.

Но никто так и не проверил.

10

Еще говорил: «Человек может пятьдесят лет проходить в церковь и не знать, что такое молитва, а может не ходить вовсе и спастись».

11

Еще: «Душа наша – зловонная кастрюля, надо вылить из нее вонючую мерзость и превратить ее в избранный сосуд».

12

Еще говорил своим ученикам: «А ну-ка, поди сюда, неотжатая половая тряпка с Казанского вокзала!», а также: «Ты – раздавленная лягушка, которая еще почему-то смеет хрипло квакать».

13

Еще: «Козел и урод». И: «Ну куда ты прешь?» Ученики же многие отпадали, осуждая его за грубость и слова, недостойные христианина, но многие оставались, любя своего авву и веруя, что получают венцы.

14

Один инок не в силах был более терпеть оскорблений аввы, однако и не желал оставить его вовсе, ибо чувствовал несомненную душевную пользу от пребывания с ним. Несколько недель молился он Господу о вразумлении. Но Господь медлил с ответом. И вот однажды сей

задумчивый брат нашел в лесу галчонка со сломанным крылом. Брат увидел в этом явление Промысла Божия и тайно поселил галчонка в своей келье. По ночам он учил птицу говорить.

В день ангела аввы Митрофана, когда тот как раз шел из церкви на праздничную трапезную, инок выпустил подросшего галчонка на волю, а тот, став ручным, не улетел и начал кружить над братией.

Заметив на авве Митрофане сияющий золотой крест, галчонок спланировал прямо к нему на ладонь и вдруг крикнул: «Не груби!» И еще раз: «Не груби!» Братия не сомневалась, что видит чудо Божие. Авва же Митрофан только усмехнулся и подбросил галчонка в воздух. Тот отлетел, сел на плечо бывшему хозяину и крикнул ему в ухо: «Не груби!»

В тот же вечер инок, воспитавший галчонка, по распоряжению аввы покинул святую обитель и теперь спасается в другом месте. Авва же Митрофан с тех пор никогда уже не называл иноков «козлами» и «лягушками», но только «козлятами» и «лягушатами».

15

Как-то раз отца Митрофана пригласили в Москву, в один большой храм, на престольный праздник. Отец Митрофан поехал. Служили патриарх, два митрополита, литургия проходила очень торжественно, при большом стечении народа. В конце начался крестный ход. Секретарь патриарха, отец Аверкий, в прошлом человек военный, очень переживал, что отцы идут вокруг храма как-то нестройно, всех равнял, строил и подталкивал обратно в колонну. Хорошенько ткнул он и отца Митрофана. Сначала отец Митрофан на это ничего не ответил. Но когда батюшки вернулись в алтарь, подошел к отцу Аверкию, взял его за грудки и произнес медленно и очень четко:

– Еще раз такое повторится, я тебя закажу.

16

Отец Митрофан, когда ему жаловались на иноков его обители, отрицал даже очевидные вещи.

Доносят ему, что отец Евграф из его монастыря просит за исполнение треб немислимые суммы, – отец Митрофан утверждает, что Евграф – величайший из бессребреников, какие только жили на свете. Рассказывают, что у отца Зосимы в городе женщина и даже младенец, которого эта (чем-то обиженная на Зосиму) женщина готова предъявить в качестве доказательства, – отец Митрофан отвечает: «Да вы просто одержимые». Про третьего шепчут такое, что вряд ли стерпит бумага... Отец Митрофан смеется шептунам в лицо и гонит их с позором прочь. Многие были этим недовольны, считая отца Митрофана обманщиком, братия же с любовью называла своего пастыря «батюшкой на бочке» – в память о древнем старце, который, дабы покрыть грех брата, сел на стоявшую в монашеской келье бочку с женщиной, спрятанной внутри.

17

Некоторые говорили про авву Митрофана: «У него харизма». А некоторые – «У него внутри магнит, которым он привлекает к себе сердца человеческие». Когда же батюшка начал стареть и в нем проявились старческие немощи, стали говорить: «Магнит заржавел, но притягивает по-прежнему».

18

Когда отец Митрофан совсем постарел, его черные волосы побелели и прямая спина согнулась, он стал другим. Никого уже не бил, ни на кого не ругался, на исповеди почти ничего не говорил, только молча слушал, иногда тихо кивал. Кивал на все, что бы ему ни сказали. Некоторые думали: может, он не слышит? И переспрашивали: «Батюшка, вы меня слышите?» «Слышу, всё слышу», – подтверждал отец Митрофан и продолжал перебирать четки и не отвечать на вопросы.

Но когда уж очень настаивали и требовали от него совета в обязательном порядке, поднимал глаза и говорил тихо: «Деточка, Христос воскрес».

Детолюбие

Один батюшка наслушался новостей о вымирании России и решил срочно увеличить свой приход. И всем молодым парам, у которых нет детей, стал отказывать в причастии. Мол, пока не родите ребенка, нет вам Божия благословения и Святых Христовых Тайн да не приемлете. Не прошло и года, как приход его сильно уменьшился – в него стали ходить одни старушки. Молодые пары, даже и с детьми, перебежали в другой приход, к более терпеливому батюшке. Самое удивительное, что эта история – совершенно подлинная.

Безвозвратное

Вот как это было. Андрюшу Григорьева рукоположили в Москве, в Новодевичьем. Его матушка, Надя, увидев новоиспеченного батюшку, когда тот вышел из алтаря давать народу целовать крест, остолбенела – у Андрюши были другие глаза. В них сияла вечность. И Надя не подошла поцеловать крест, потому что не смогла двинуться с места, и только думала: как же я теперь буду с ним жить?

Их отправили под Коломну, в поселок Прошино, восстанавливать полуразрушенный храм. Они жили в покосившейся заброшенной избушке, отец Андрей сам переложил в ней печку, и печка, хотя слегка и дымила, грела. Матушка сшила занавесочки из голубого ситца, повесила, на деревянный стол постелила скатерть, и в доме сразу стало уютней. Батюшка каждый день ходил в храм и расчищал там какой-нибудь угол, днем приходил обедать, а потом снова шел разбирать завалы. Матушка занималась хозяйством, развела небольшой огород, насадила клумбу и любила батюшку.

По вечерам отец Андрей с матушкой садились рядом, пили чай с пирогами и разговаривали. За окном стояла тишина и летел снег, потому что начиналась зима. Батюшка чистил дорожки, а в храме затянул все дыры брезентом, чтобы не наносило снега, поставил в притворе буржуйку и продолжал потихоньку всё расчищать. Односельчане заглядывали в храм, удивлялись, жалели отца Андрея, но сначала не помогали. Только приносили иногда батюшке еду – кто печенья, кто картошки, кто яиц. Но потом наконец у одной бабуси родился внучек, отец Андрей его крестил, а у кого-то умерла мать, отец Андрей ее отпел, и вскоре его начали звать то крестить, то освятить дом, то пособоровать, то отпеть. Постепенно люди его узнали. Он оказался веселый, не любил вести длинных разговоров, просто делал свое дело, говорил краткое слово и уходил. Попутно хорошо и простецки шутил. Детей у них с матушкой не было.

К весне набралась бригада добровольцев, которая взялась за ремонт храма. Через полтора года в храме настелили пол, установили иконостас и начались службы.

Прошло еще семь лет. Возле церкви выросло два кирпичных здания – воскресная школа и дом причта с трапезной, швейной, иконописной мастерской, а также небольшой

домовой церковью и крестильней внутри. Всё это – неусыпным попечением и заботами отца Андрея, который как-то умел раздобыть денег. Повезло, конечно, и с тем, что у одной из дочек Никиты Михалкова была здесь неподалеку дача, на которую раза три приезжал в гости и сам, и тоже зашел в церковь, молился, даже исповедовался у отца Андрея. На исповеди отец Андрей не произнес ни слова, а только смиренно слушал, что в общем вполне объяснимо: не он же должен исповедоваться, а ему. Никита Сергеевич ставил свечи, крестился, потом с благоговением причастился, словом, вел себя совершеннейшим христианином и так, будто в жилах его течет такая же, как у всех, кровь. После его посещения стройка пошла намного бодрее. В следующий свой приезд Никита Сергеевич тоже не оставил церковь и отца Андрея своим милостивым вниманием. А через месяц после его третьего визита в воскресной школе появились стеклопакеты и паркетные полы.

Но когда церковь была полностью восстановлена, оба кирпичных здания достроены, а церковный двор усажен кустами чудесных роз, отец Андрей затосковал. Всё вроде уже сделал, построил, возвел. Полуграмотные бабки, бабы с двадцатью абортами за душой, разговоры про сглаз и порчу, быстро исчезавшие редкие светлые огоньки – молодые девочки и юноши, которых отец Андрей благословлял ехать в Москву учиться, деревенские поминки и свадьбы надоели ему до смертной истомы, до рвоты. И батюшка ощутил себя в тупике. Молиться? Но больше, чем того требовали его обязанности, молиться он не мог. Ну не мог. Цели нет передо мной. С тоски батюшка пристрастился даже к телесериалам и все вечера просиживал теперь перед экраном.

И тут в их деревню снова заехал Никита Сергеевич. В то воскресенье он первый раз согласился зайти в их скромную трапезную пообедать, много и складно во время обеда говорил. Все это был явный Промысел. И как раз когда Никита Сергеевич сделал паузу, процитировав Розанова и явно собираясь сослаться на Ильина, батюшка сказал как бы между прочим:

– Жизнь сельского иерея рано или поздно заходит в тупик.

Никита Сергеевич как-то сразу всё понял. Уловил.

– Отправим вас в Москву, – сказал Никита Сергеевич. – Как раз одно очень высокопоставленное лицо (тут Никита Сергеевич опустил глаза и понизил голос) ищет себе личного духовника.

– Да нет, – замялся было батюшка, но Никита Сергеевич уже нажимал кнопки серебристого, сияющего неземным зеленоватым светом мобильного.

Жизнь отца Андрея переменялась в один час.

Вскоре его включили в штат Отдела внешнецерковных сношений, сразу назначив на очень высокий пост. Он переехал в Москву, стал ездить на блестящей черной машине, встречаться с пастырями иных конфессий, посещать званые обеды, торжественные концерты и придворные балы.

Батюшка был красив и статен, русая борода, ясный взгляд, неглупые речи – все-таки окончил Московский университет, философский, между прочим, факультет. Он стал украшением разных торжественных мероприятий. Его звали перерезать красные ленточки, освящать особняки, провожать напутственным словом делегации, награждать церковными орденами Ю. Лужкова, С. Степашина и Е. Примакова. Награждаемые тускло смотрели попу в глаза. Но он улыбался, по-мужски жал им руку, и ни одной мысли не проносилось в его голове.

– Послушание, – твердил он матушке после очередного многочасового окологосударственного или думского фуршета, – просто послушание.

Но матушка впервые за их многолетний союз, за их жизнь душа в душу, ничего не хотела слушать. И начала говорить батюшке невероятные вещи:

– Надо вернуться в Прошино.

– Ты бесишься с жиру! – отвечал ей сквозь зубы батюшка. К тому времени они уже объездили всю Европу, побывали в Бразилии, Австралии, Новой Зеландии с разными почетными миссиями от Московской Патриархии.

Многие им до смерти завидовали. Многие клеветали, писали в Патриархию доносы. Но отец Андрей стоял крепко – высокопоставленное лицо, домашним священником которого он стал, был не кто иной, как... Впрочем, тут государственная тайна и почти что тайна исповеди. Только матушка все время сбивала батюшку с толку, она вообще как-то поутратила свое смирение и всё пыталась отца Андрея расшевелить, открыть ему глаза. Но батюшка и сам всё видел, всё понимал, а чего не видел и не понимал, того понимать и видеть не хотел. И отмалчивался на все матушкины призывы.

Матушка, видимо, начала чахнуть. Удивительно просто. Начала чахнуть. Батюшка повел ее к лучшим кремлевским врачам. Но врачи только руками развели: никаких шансов, скоротечный рак желудка, разрезали и зашили обратно: уже поздно. И вскоре матушка отдала Богу душу. Умерла она в мире с собой и батюшкой – по милости Божией у нее почти не было болей, она только таяла и слабела буквально с каждым днем, пока не ослабела совершенно. Перед смертью она не говорила батюшке никаких красивых слов, не давала благословений и заветов, просто сказала: «Вот и всё, Андрюшенька». И в сознание после этого не приходила.

Через неделю после ее похорон батюшке пришло по почте письмо. Конверт без обратного адреса, удлинённый, чуть голубоватый, внутри черно-белая фотография. А на фотографии их старенькая, покосившаяся избушка с ситцевыми занавесками, по окнам в снегу. Из трубы идет дым. На заднем плане видны развалины церкви. Отец Андрей обвел глазами новенькую, с иголки квартиру, надежно мигающий зеленый огонек сигнализации у выключателя в коридоре, прислушался к тихим шагам вышколенной охраны за дверью, выглянул в окно, где под парами стояла с водителем его черная «ауди», посмотрел на матушкин портрет, висевший на стене, и тихо проговорил:

– Наденька, слишком поздно.

Потерянный рай

В небольшой сельской церкви – ской губернии служил один батюшка. Приход у него был немногочисленный, десять бабушек да летом – дачники. За хор и чтеца была у батюшки собственная матушка, редко кто находилась подпеть ей.

Матушка была особой тонко чувствующей, да еще и с, что называется, «близкими слезами». И вот начнут они служить, наступит какое-нибудь любимое матушкино место в службе, и она уже тихо плачет. До того жаль ей потерянного рая, потому что в эти минуты она особенно остро ощущала именно это: рай потерян. Сначала плачет тихо и одновременно поет, это еще было ничего, но служба продолжается, а ей всё горше. И до того доходило, что уже и петь она не могла от растущих рыданий. А петь-то надо! И читать тоже – громко да внятно. Но как тут возгласишь, когда реально душат слезы?

В общем, батюшка был всем этим сильно недоволен. Выходил он из алтаря, службу останавливал, делал своей чтице-певице строжайшие выговоры, истерики велел немедленно прекратить. Не помогало. То есть помогало, но ненадолго, до тех только пор, пока матушка не вспоминала: раю мой раю потерянный, и здесь его нет. И вот однажды терпение у батюшки кончилось. Вышел он из алтаря и ка-а-ак даст матушке затрещину. Да еще одну, да еще. И что же? Матушка на него ничуть не обиделась, но с тех пор научилась плакать безмолвно, направлять слезы внутрь, так что никто их теперь не замечал. Плачет, а служба все равно идет – ровно, степенно. Священник не нарадуется: никто больше не всхлипывает, ничто его не отвлекает, прихожане, если и есть, молятся, свечи зажигают, прикладываются к образам. Все хорошо. Одного жаль – рай потерян.

Чего человеку не хватает, или Не самый плохой праздник

У Лени Короткова всё было. Ну всё. Семья? Да отличная была семья. Жена одних с Леной лет, но чудесно выглядела, как студентка. Сохранила блеск в глазах и смеялась как девочка. Дети – два крепыша, три и пять, мальчишки, краснощекие, серьезные боровички. Секс? Ну соответственно, жена его была женщина азартная, да он и сам был не дурак. Работа? А куда без работы. Леня руководил одной небольшой компьютерной фирмой, работали в ней всего четверо человек, в прошлом все его однокурсники, четвертая (однокурсница) вела у них бухгалтерию. И всем четверым через несколько лет существования фирмы хватило на покупку просторной квартиры, машины, оставалось и на путешествия в любую точку планеты. К тому же Леня свою работу любил, потому что в душе был заядлый компьютерщик – и программист, и спец по «железу», – а при словах «переформатировать жесткий диск» начинал подскакивать и потирать ладони. То есть было всё у человека. А заскучал.

«Церкви! Веры! Бога у него не было!» – закричат читатели, воспитанные на литературе Толстого и Достоевского. Но Леня тоже был на ней воспитан, поэтому Бог у него был. И в церковь он ходил. Раз в два месяца обязательно. А на Пасху и Рождество исповедовался у батюшки, каялся, потом причащался, потом читал благодарственные молитвы, потому что и молитвослов у него тоже имелся, и иконки на работе над компьютером висели, ну, всё путем. И все равно – скука.

Делать нечего, поехал Леня к старцу, в Печоры, к отцу Иоанну Крестьянкину, помолится в пещерах, прожил там два дня – и чудо! Старец даже принял его, хотя давно никого не принимал, но Лёне просто чудовищно повезло. Он встретил в Печорах свою давнюю знакомую, Ирку Козлову, она, оказывается, тоже обратилась, переехала сюда десять лет назад из Москвы, чтобы быть при старце, начала писать иконы и знала все ходы и выходы в монастыре. И вот эта-то Ира Леню узнала, вспомнила и провела его тайными тропами к батюшке, прямо в келью, потому что, как объяснила Ирка Лёне, сегодня келейничал отец Амвросий, а он по гроб жизни ее должник. И отец Амвросий их действительно пустил. Конечно, ненадолго, пять минут! Старец очень болен. Леня зашел. И так и сел. Старец был не просто болен, он явно был еле жив. Хотя лицо было, конечно, очень доброе и ласковое, немножко похожее на Деда Мороза, но все-таки совсем, совсем старенькое. И Леня не решился ни о чем у отца Иоанна спросить. Как-то не посмел. Точнее, глядя на него, сидящего в большом кресле и даже не способного привстать, Леня всё в этот момент в общем понял. И просто сложил руки и подошел под благословение. Отец Иоанн назвал его по имени, хотя Леня не представлялся, но это было даже неважно, благословил и сказал довольно горячо для столь преклонных лет:

– Бог благословит! И всё подаст тебе, всё, что будет нужно и полезно твоей душе, только ты Ему не мешай.

Леня смущенно улыбнулся, кивнул и вышел.

– Что ж вы так быстро! – разочарованно воскликнула Ира.

– Да мы вроде обо всем уже поговорили, – пожал плечами Леонид.

Напоследок занес Ирке тортик, купленный тут же в магазине, но чай пить не остался, поспешил на вокзал. И отправился в родной город, на поезде, который шел как раз сегодня, а в следующий раз только послезавтра, чувствуя себя немножечко идиотом, но идиотом счастливым.

Встреча со старцем слегка посветила в его жизни, и несколько недель он не скучал. Повеселел обратно. И объяснял себе это так, что просто повстречался с очень хорошим человеком, а это важно. И даже говорил Ларисе, своей жене: «Вот чего не хватало мне человека. А теперь всё, видишь, опять я веселый». Лариса кивала. Она была тоже верующая, пришла

в церковь вслед за Ленией, но бывала там намного чаще, чем он. Она-то и подала совет съездить к старцу и теперь радовалась, как всё легко решилось.

Но вскоре выяснилось, что ничего не решилось. Опять Лёне показалось, что жизнь его серая и безвкусная. Даже улыбнуться он не мог, даже детям. И Лёня пошел к психотерапевту. Психотерапевт ему объяснил, что нужно будет посещать его раз в неделю и, даст Бог, через полгода они смогут подобраться к первопричине его хандры. Они подобрались немного раньше. Помог близящийся Новый год. Лёня шел по улице мимо оптики, и вдруг оттуда выглянул человек в красном колпачке, без бороды, но с большим мешком, вынул из мешка крошечную шоколадку с приклеенной к ней визитной карточкой оптики и дал Лёне. Это была рекламная акция.

И Лёня вдруг вспомнил. И побежал к врачу.

Ему только что исполнилось шесть лет, дело происходило под Новый год. Он верил тогда в Деда Мороза. В тот раз родители ему клятвенно обещали, что Дед Мороз не только придет, но, может быть, даже дождет, когда Лёня проснется и поговорит с ним. Маленький Лёня царапал себе живот, чтобы не уснуть, дождался даже, как в родительской комнате пробило двенадцать раз, но тут уже крепко уснул. Он проснулся рано утром, под елкой была куча подарков, но Лёня даже не взглянул на них. И стал звать Деда Мороза. Вместо Деда Мороза пришла мама. Она виновато улыбалась и сказала, что буквально минуту назад Дед Мороз ушел. Не дождался. Поехал на своих летающих санях к другим детям.

Но Лёня маме не поверил. А вдруг маме только показалось, что Дед Мороз ушел? А вдруг он прячется где-то здесь? Он обегал все те места, где обычно прятался сам, когда играл в прятки, заглянул за занавески, в шкаф, под кровать, за дверь в ванной, вышел даже в подъезд. Но в подъезде было пусто и тихо, только вдруг хлопнула дверь. Он глянул сквозь пролет лестницы, – это была соседка снизу, она вызвала лифт, и лифт загредел и поехал. Деда Мороза видно не было. Лёня рыдал, топал ногами, и родители были в полной растерянности, они никогда не видели сына таким.

Им все-таки удалось отвлечь его на подарки, и Лёня утешился. Через год он случайно подслушал, как мама с папой тихо обсуждают, не вызвать ли им Деда Мороза из фирмы «Заря», смело вошел в комнату и сообщил, что в Деда Мороза давно не верит. Потому что дедов морозов не бывает на свете, это просто переодетые артисты. Родители Лени успокоились, и история с Дедом Морозом была навсегда забыта.

Только теперь, в тридцать два года, Лёня вдруг вспомнил, как плакал, как кусал маму, которая пыталась удержать его и не пускать в подъезд. Вспомнил ощущение непоправимого горя и потери.

Психотерапевт даже поерывал от удовольствия во время Лёниного рассказа.

– Всё ясно, всё ясно, всё ясно, – приговаривал Иосиф Самуилович и поправлял очки.

И дал Лёне совет вызвать детям Деда Мороза, благо Новый год на носу, к тому же теперь это стало совсем просто. А когда Дед Мороз придет, постараться самому превратиться в ребенка, хотя бы мысленно, и порадоваться приходу бородатого старика, словом, внутренне пережить недопережитое и спустя годы восстановить потерю.

Лёня так и сделал. Дед Мороз пришел. Его малыши тут же спрятались за папину спину, и папе пришлось принимать огонь на себя. На «раз-два-три, елочка, зажгись!» елочка, вопреки Лёниным стараниям, зажглась не сразу, зато со второго раза уже зажглась. Мальчишки потихоньку раскрепостились, прочитали Дедушке по стишку, поводили с ним хоро-вод, получили по подарку. Тут Лариса решила проявить гостеприимство, пригласила Деда Мороза попить чай, но Дед Мороз шепотом сообщил, что для этого придется снять бороду. И, в общем, был на это готов. Но Лёня замахал на него руками – ни в коем случае. И, сунув дополнительную сотенную в глубокий красный карман, выпроводил Деда Мороза восвояси.

С тех пор всё переменялось. Лекарство действовало. Леня больше не скучает. А в новогоднюю ночь поднимает бокал с одним и тем же тостом: «Друзья! Психотерапия тоже иногда помогает. Да и Новый год – не такой уж бессмысленный праздник».

Сны отца Валерия

1

Отец Валерий сначала был просто Валерка, хорошо готовил яичницу и до смерти любил свою болтушку-жену. Но потом он окончил семинарию, рукоположился и стал отцом Валерием. У них была одна дочка, а потом через много лет родился сын. Однажды отцу Валерию приснился сон: он служит, а за алтарем стоят два мальчика со свечами. Батюшка проснулся. А вскоре матушка родила ему следующего мальчика. УЗИ и бабка-акушерка предсказали девочку, но батюшка только смеялся в уже седеющую бороду. «От бабья один шум!» Следующий сын ему уже не снился, но родился потом тоже. Получилась одна дочка и три сына.

2

В другой раз отцу Валерию приснился батюшка Серафим Саровский, который постукал палочкой об пол: «Родственники, а что ж так плохо служишь?» Очнулся отец Валерий и стал разуживать, что такое? Действительно, оказалось, что его прадед жил в Курской губернии, там же, откуда преподобный Серафим был родом.

3

Отец Валерий, перед тем как стать батюшкой, работал чтецом в одной церкви. Церковь была небольшая, американская, так что, можно сказать, почти сельская, и так уж исторически сложилось, что по праздникам в ней служил владыка. Особенно ревностен владыка был к богослужению и очень не любил, когда ошибаются и путаются в службе. Но отец Валерий к службам тщательно готовился и читал хорошо. Только вот он курил. И сколько ни боролся с собой, ничего не получалось. Тогда Бог послал ему сон.

Ему приснилось, что идет всенощная, а он стоит, как обычно, за аналоем, на своем месте. И вот хор замолчал, его очередь, но что читать – он не понимает. Перед ним и октоих, и служебник, и минея, стихиры на стиховне выписаны на отдельном листочке – но всё спуталось! Что читать – неизвестно. Листает одну книгу, другую, хор молчит и ждет, проходит минута, вторая, пауза страшно затягивается. Ужас объял отца Валерия.

Тут и владыка выходит из алтаря. Подошел к отцу Валерию, хлопнул его по плечу и говорит: «Ну что, пойдем покурим?»

Отец Валерий проснулся в холодном поту. Курить ему с тех пор расхотелось.

Елочки

Отец Валерий очень любил Россию. Америка – это было так... Заблуждение молодости, перестройка, романтика. Он, конечно, и в американской церкви служил искренне и ревностно, за несколько лет собрал целый русский приход, все сплошь интеллигентные люди, компьютерщики, историки – из соседнего большого университета, и все его очень любили. А все-таки не Россия. И вернулся отец Валерий со всей своей большой семьей домой. Стал жить сельским батюшкой в одной из неблизких губерний своей необъятной родины.

Раз заехал он в Москву, туда-сюда, по магазинчикам, в Патриархию, а вечером зашел в гости к своим давним добрым знакомым, бывшим однокурсникам – жене и мужу. Попил чайку, расслабился, а хозяйка, большая любительница необыкновенного, ну его пытаться: батюшка, да как вы, да какие случились в вашей жизни за последнее время чудеса? Все-таки вернулись на Святую Русь.

– Ох, – говорит батюшка. – И рассказать-то не о чем. Если только о елочках.

Хозяйка обрадовалась, ручки сложила, слушает. И батюшка начал:

– В деревне нашей возле храма в ограде посадил я елочки.

– Зачем же?

– Да там провели у нас в соседнем доме канализацию, ее прорвало, полгода никто не чинит, всё это на дорогу выливается, стекает в яму, двести метров от храма... И магазин рядом, пьянчужки местные всегда там толкуются, кричат, место дурное, голое; в общем, посадил я вокруг храма елочки. И есть у нас там один сильно пьющий, не из денежных, так, за десятичку купит себе пузырек какой-то дряни – и доволен. Сашей зовут. Часто заходит в храм, покачается-покачается и выйдет. «Ты, – говорит, – батюшка хороший. Но в Бога я все-таки не очень верю».

И вот посадил я елочки. На следующий день только меня этот Саша увидел, как начал ругаться:

– Ты, батюшка, зачем елочек насадил?

– А что ж такого? – удивляюсь я. – Пусть растут.

– Да ведь это плохая примета! Вырви. Хочешь, я сам завтра к тебе приду, выкопаю?

– Ты не хватил ли сегодня лишку? От елочек радость.

– Примета плохая, елки-то, – твердит Саша. – Плохая примета.

– Да что же плохого в них, ты погляди! Стоят рядом, глаз радуют, – пытаюсь вразумлять его я.

– Не радуют, – говорит Саша и в землю смотрит. – Примета нехорошая. Со смертью связано.

– Эх ты, в приметы веришь, а в Бога не очень.

«Так и прогнал его», – заключил свой рассказ отец Валерий.

Ждет хозяйка продолжения, а его и нет. Да и хозяин удивлен – ни назидания какого, ни чуда. Канализация, елочки...

– И всё? – спрашивает.

– Всё, милые, – вздыхает батюшка. – Хорошо, если в воскресенье придет десять бабушек. И все-таки... слава Богу, что мы вернулись!

Отец Артемий

Батюшка Артемий окончил филологический факультет Московского государственного университета имени великого русского ученого и просветителя Михайлы Васильевича Ломоносова. Едва батюшка открывал уста – шелковистые травы ложились на землю, благоухающие цветы приклоняли головки, клейкие листочки в немом восхищении жались к веткам, птицы небесные складывали крылышки и примолкали, не смея продолжать свои сладкие чудные песни, звери лесные, косматые и хвостатые, останавливали поспешный бег, принохивались и шевелили в благоговейном недоумении ушами, рыбы морские замирали и только изредка всплескивали хвостом и пускали пузырик. Люди записывали батюшкины проповеди на диктофоны, видеокассеты, издавали его книжки тысячными тиражами. Некоторые же соблазнялись и терли виски.

– А просто, – говорил один любящий отца Артемия раб Божий, – батюшка от большого напряжения и великой своей занятости забыл все русские слова и употребляет древ-

нерусские, потому что по старославянскому и древнерусскому у него в университете были одни пятерки. И если поставить при батюшке переводчика, всё сразу станет хорошо. Скажет батюшка: «Памятовать должно, что надлежит нам отряхнуть от стоп своих прах безбожия, а наипаче гордости и пагубнейшего самомнения». А значит это, что нужно перестать грешить. Видите, как всё просто! И соблазняться тут не о чем.

Неожиданная встреча

Отец Яков Поттер не верил в чудеса. Как услышит, что где-то замироточила икона или кому-то было видение, тонкий сон, голос, страшно морщится и вздыхает:

– Ребята, надо же иметь совесть!

А уж если при нем произносили слово «старец», да еще «прозорливый», просто молча вставал и уходил из комнаты.

Незадолго до смерти ему явилась женщина в белом с очень бледным лицом в длинном холщовом платье. Женщина стояла у изголовья его кровати; отец Яков был тогда уже сильно болен и почти не вставал. Женщина явилась внезапно, отделясь от стены, потом рука ее прошла сквозь деревянную спинку кровати, и отец Яков понял, что она бесплотна. Батюшка двинул на гостью стул, но женщина даже не шелохнулась. Тогда отец Яков с неизвестно откуда взявшейся силой громко спросил ее:

– Что, хочешь, чтобы я поверил, что ты – не галлюцинация? Хочешь, чтобы я поверил, что ты и есть чудо?

– Нет, – спокойно отвечала женщина. – Я не чудо. Я твоя смерть.

Отец Александр и стихотворцы

Отца Александра Меня спрашивали:

– Почему вы хвалите любые стихи, которые вам приносят, даже и вовсе графоманские?

– Лучше уж пусть пишут стихи и верят в свое предназначение, чем пьют горькую, – отвечал отец Александр.

Свет миру

Отец Александр говорил: «Нам дано только светить».

Самый красивый

Отец Митрофан говорил: «Отец Александр был красивее всех, кого я видел».

Об идиотах

Одна беременная женщина много болела. То одним, то другим, то третьим, просто не было уже никаких сил. Врачи говорили ей: «Немедленно делайте аборт. Родится ведь идиот!» Родственники тоже очень переживали и добавляли: «Мало того что идиот. Где он будет жить? У нас и так повернуться негде». Жили они и правда большой семьей в двухкомнатной квартире. Но женщина упрячилась, все-таки она была верующая и аборта делать не хотела. Тогда хитрые родственники посоветовали ей поговорить с отцом Александром, потому что знали: человек он широкий, свободный, не то что какой-нибудь поп-мракобес, знает языки, читает книжки, чужое мнение уважает, глядишь, благословит и аборт.

Женщина отправилась к отцу Александру и всё ему рассказала. Отец Александр ответил: «Родится идиот – будете любить идиота».

Родился вообще не идиот. Сейчас он уже вырос и учится в университете.

Не старец

Отец Александр никогда не хотел быть пастырем наподобие древних, руководить душами, говорить «можно» и «нельзя», давать судьбоносные советы, назначать епитимьи и применять педагогические приемы. У него был совсем другой склад. Он всё больше просто утешал своих чад и говорил с ними о Владимире Соловьеве и Павле Флоренском. Но те, кто посещал его, иного и не желали.

Когда он умер, ему так и не нашлось замены, потому что больше никто из батюшек Флоренского и Соловьева не читал.

Идеже несть болезни

Когда отцу Иоанну Крестьянкину исполнилось девяносто лет, он перестал принимать чад. Чада же, много лет кормившиеся из его рук, роптали: «Столько лет окормлял нас, ведя ко спасению, а теперь? Это не он, а злые люди вокруг него. Почему нас к нему не допускают?»

Келейник же отца Иоанна, в очередной раз отказав страждущим от встречи с батюшкой, сказал другому брату с улыбкой: «Отец Иоанн так широко распахнул пред людьми двери рая, что они забыли, что существуют старость и болезнь».

Отец Мисаил

Отец Мисаил встречался с Анной Ахматовой, был чудесным рассказчиком, говоруном и записывал разные истории про батюшек – документальные, очень смешные. Потом эти истории вышли книжкой, потом стали выходить и переиздания. Читатели присылали отцу Мисаилу благодарственные отклики, телевидение приглашало его поразмышлять о судьбах церкви, газеты брали у него интервью. И все были довольны.

Но однажды отцу Мисаилу приснился странный сон. Будто сидит он за столом, листает свою книжку про батюшек, а в книжке вместо текстов – фотографии всех, о ком он писал, и все его герои – в чем мать родила. «Что это такое?» – в ужасе вскрикнул отец Мисаил и захлопнул книжку. Но и с обложки ему погрозил пальчиком один его знакомый священник, при этом опять-таки совершенно голый, проговорив грозно: «Не обнажай наготу отца своего».

Пастырь добрый

Вскоре после этой истории отец Мисаил узнал, что у него есть коллега. Из мирян, да еще и женщина! Какая-то Кучерская, которая, как говорили, тоже очень любила писать про батюшек. Отец Мисаил даже прочитал в «Литературной газете» несколько слетевших с ее пера историй и после этого не поленился, узнал ее телефон и позвонил начинающей писательнице.

– Слышал я, что вы, госпожа Кучерская, пишете пасквили на батюшек, – сказал отец Мисаил после небольшого и в общем ласкового вступления. – И даже их читал. Временами смешно, но чаще грустно.

Кучерская же в трепете молчала. Сам знакомец Ахматовой звонит ей и преподает урок!

– Вообще же писать про пастырей – дело опасное и неблагодарное, – продолжал отец Мисаил. – Хорошо знаю это по собственному опыту. Так что уж лучше бы вы, матушка, занялись рождением детей. У меня такой возможности нету, а то бы, ей-богу, бросил писать и начал нянчить детишек... Но вы, вы не забывайте: чадородие намного спасительней, чем писательство.

Подивилась Кучерская такому вниманию к себе и пастырской заботе и от удивления начала рождать детей – одного, другого. Но на втором деле что-то застопорилось. И тут уж ничего не поделаешь: или дети, или батюшки, – так что снова начала она писать свои небылицы про пастырей.

«Жить я без них не могу, – говорит. – Вот и всё».

И вот дети в садике, а она целые дни пишет, перечитывает свои истории вслух, бьет себя по бокам, хохочет, подскакивает, а временами горько плачет.

Цикл шестой

Чтение в очереди на исповедь

Красота спасет мир

Ася Морозова была такая красавица, каких не видывал свет. Глаза темные, заглядывают в самую душу, брови черные, изогнутые, как нарисовали, нос ровный, прямой, на щеке аккуратная родинка, про ресницы даже и говорить нечего – в пол-лица. А волосы светло-русые, густые и лежат мягкой волной.

Учиться Асе было скучно, и в девятнадцать лет она учиться бросила. Все преподаватели ставили ей четверки просто за неземную красоту, только информатичка (одинокая женщина пятидесяти двух лет) уперлась, а Ася не захотела пересдавать и забрала документы. Поклонников у нее было столько, что она давно отключила телефон и натягивала шапочку на самые глаза, чтобы только ее не разглядели. Но не помогала и шапочка. Самой же ей, понятно, никто не нравился. Все были какие-то козлы. И денег у них брать она не хотела – с какой стати? А жить по-человечески ей все-таки хотелось. Родители у нее жили в другом городе, оба уже немолодые, плюс две сестры – в общем, рассчитывать приходилось на одну себя. Ну а как может заработать порядочная девушка? И Ася стала проституткой. Работала она, конечно, не на какой-нибудь Тверской, а в небольшом частном пансионе. И деньги получала бешеные. Ася сама назначала клиентам гонорары, и не было случая, чтобы кто-нибудь ей отказал. Пансион обслуживал людей состоятельных, проверенных, только по предварительному звонку, употребление наркотиков и чрезмерные возлияния в нем не поощрялись, в общем, девочки жили там как в родном доме.

Так бы оно и шло, если бы однажды в этот уютный публичный домик не пришел очень странный человек.

За окном лил дождь, кончался октябрь, девушки зевали и скучали, двенадцать часов дня, мертвое время. Опять же, дождь. И тут раздался звонок. На пороге стоял незнакомец, с зонта стекала вода, вид у гостя был несчастный и мокрый, но даже сквозь воду было видно: на здешних посетителей он совсем не похож. На вид лет сорок, был он очень печален и бледен, борода у него росла до самого пояса, с кончика ее капала вода.

Ася засмеялась. Никогда в жизни не видела она таких смешных бородачей.

– Ты, что ли, профессор?

Но бородач только молча смотрел на Асю и не говорил ни слова. Держательница дома подмигнула Асе, что-то шепнула бородачу на ушко, он кивнул, и Ася повела клиента на второй этаж.

В комнате человек хорошенько промокнул бороду полотенцем, а потом открыл большую черную сумку, которую принес с собой. Из сумки он достал черный длинный халат, сверху надел золотой крест, затем вынул длинный узкий фартук из золотистой ткани, повесил его на шею, а потом такие же твердые золотые манжеты на шнурках. И зашнуровал шнурки. Ася молча на него смотрела. Человек оказался попом. На всех четырех стенах поп нарисовал карандашом по крестику.

Затем попросил тазик с водой. Душ с туалетом были прямо в номере, и Ася тут же принесла ему воды. После этого поп раскрыл толстую вишневую книжечку и начал петь молитвы, а потом брызгать водой. Ася сидела в кресле и слушала молитвы: кроме «Господи помилуй» она разобрала еще одно странное повторявшееся слово, похожее на кашель – «закхей». Наконец, в общем довольно быстро, поп перестал читать, сложил обратно в сумку книжку, веничек, которым брызгал воду, снял рясу, крест и поклонился Асе в ноги. Ася так и

отпрыгнула. Конечно, многие вставали перед ней на колени, но по-другому. А человек легко поднялся и уже собрался идти.

– Что все это значит?! – закричала Ася.

– Интересно? – Это было первое, что произнес наконец бородач от себя, не по книжке. При этом он улыбался и смотрел на Асю тоже как-то не как все. И взгляд его так поразил Асю, что она даже не смогла как следует ответить. Потому что взгляд этот был очень ласковый и ничего не хотел. И Ася молчала.

– Приходи к нам в Петровский монастырь, на Калужском Валу, спроси отца Луку, я всё тебе объясню, – добавил человек.

– Еще я к тебе поеду! – опомнилась наконец Ася и пожала плечами.

Тут отец Лука ушел. Денег с него Ася попросила не брать ни копейки. Настоятельница ее послушала, Ася была в пансионе на особом положении – основной источник дохода.

После того дня Асю как подменили – ей всё время хотелось увидеть попика-бородача. Уж больно чудно он смотрел. Не страшно совсем, а так... легко, и жутко почему-то хотелось с ним поговорить. Еле-еле дождалась Ася выходного дня – ей обычно давали вторник или среду, самые неприбыльные. И вот Ася оделась поскромнее, поймала такси и приказала везти себя на Калужский Вал. Такси привезло ее к белой стене монастыря. Тут Ася немного струхнула, но, увидев, что в распахнутые ворота заходят все, кто пожелает, смело направилась вперед. У ворот стоял монах, типа охранник, Ася спросила отца Луку, и вскоре к Асе уже подходил тот самый бородач, в длинной рясе, в черной маленькой шапочке, без креста. Отец Лука Асе совсем не удивился и повел ее в большую златоглавую церковь, которая стояла посреди монастыря. В церкви батюшка сел с ней на лавочку и заговорил как со старой знакомой.

– Хорошо, что ты меня разыскала, – сказал батюшка.

– И сама я не знаю, зачем приехала сюда, – вздохнула Ася. – Да только после того, как ты побывал у нас, стало мне сильно скучно. И жизнь моя прежняя мне не мила. Потому что вообще-то нет в ней ничего хорошего! И я хочу другого.

– Чего же?

– Чтобы ты вытащил меня оттуда.

– Разве это не от одной тебя зависит?

– Нет, потому что доход, который я приношу тому дому, очень велик, никто меня уже не отпустит, пока я молодая, и отыщут меня даже под землей.

Долго говорили они так, обсуждая планы спасения Аси и вопросы христианской добродетели. Когда заговорили о грехе сладострастия, отец Лука поведал Асе и собственную историю.

– Видишь ли, я потерял Бога. Не стану рассказывать тебе подробно, как это произошло, потому что происходило это постепенно, шаг за шагом, да только в конце концов я почти не веровал в Его существование, а значит, и в справедливость всего, что говорит нам церковь. Душа не может долго оставаться пустой, она жаждет пищи, любой, и если не божественной, значит, земной, плотской... Я шел к вам за тем, за чем приходят туда все, бес блуда жестоко мучил меня задолго до того, как я начал терять веру. Сначала я боролся как мог, но чем дальше отходил от Бога, тем беззащитней становился перед своими помыслами и блудной страстью. Телефон вашего дома я нашел в газете. В объявлении говорилось, что это место для «благонамеренных» людей. Это меня и насмешило, и очень понравилось. И я эдаким «благонамеренным монахом» созвонился с вашей хозяйкой, узнал дорогу.

Настоятелю я сказал, что меня вызвали на очередную потребу, для освящения квартиры, у нас это принято – многие из братии часто уезжают в город на требы. Для отвода глаз и самоуспокоения взял я с собой и свой привычный багаж, сумку с облачением и всем необходимым. И отправился прямиком в объятья дьявола.

Долго блуждал я по окрестностям и никак не мог найти ваш дом, несмотря на инструкцию. Лил дождь, я вымок до нитки и готов уже был бежать. Точно сам Господь удерживал меня до последнего. Но, уже решив вернуться ни с чем, я наткнулся наконец на нужное место. Несколько раз я проходил мимо этого двухэтажного особняка, уверенный, что это чей-то красивый офис или банк, пока не посмотрел на окна – белые занавески в цветных бабочках. И понял, что, скорее всего, попал как раз туда, куда нужно. Позвонил, сказал условленную фразу, мне открыли, и тут... я увидел тебя. Я был ослеплен. Может ли человек быть так прекрасен? Если есть на земле такая красота, значит, есть и Господь. Всякое сомнение в бытии Божиим и в Его бесконечной милости, Его любви к нам, согревающей и всемилосердной, совершенно оставило меня. Я почувствовал, что Господь близко. Много месяцев я мучился неверием, унынием, тоской, много месяцев мечтал о женщине, прости, что говорю с тобой так откровенно, и вот – в один миг! – все сомнения и все желания меня оставили. Я пребывал в каком-то потрясенном восторге.

– Помню, помню, как ты смотрел на меня, – засмеялась Ася.

– Раз уж пришел, делай свое дело, сказал я себе, – продолжал отец Лука. – И начал освящать комнату. А потом вернулся в монастырь. Вот и вся моя история.

– Почему же ты не поговорил со мной там, сразу? – спросила Ася.

– Побоялся потерять ту радость, которую так внезапно получил. Да и что мог я сказать? Что хуже тебя в десятки раз, что лицемер, сладострастник и отступник?

– А почему ты не остался со мной там для того, для чего все туда приходят? Тогда твоя радость стала бы еще сильнее.

– Когда рядом Бог, ничего этого уже не нужно, и всякая похоть совершенно оставляет человека, он делается недоступен греху.

– А как ты смотришь на наше занятие? Оно большой грех?

– Поистине, это противнее Богу всякого греха.

Так проговорили они несколько часов. В публичный дом Ася не вернулась. В тот же день отец Лука крестил ее и облачил в неприметный подрясник, сильно переменивший ее внешность. Три месяца Ася жила в каморке при монастыре, вместе с женщинами, готовившими монахам пищу, исповедовалась, беседовала с отцом Лукой, каялась и очищала душу, а кончила тем, что поехала в один дальний женский монастырь, чтобы остаться там навсегда. К Рождеству отец Лука получил трогательную открытку, а к Пасхе телеграмму: Великим постом Асю обнаружили в лесу близ монастыря с проломленной головой. Убийц не отыскали, отец же Лука, получив печальную весть, несколько дней не мог опомниться от потрясения. Он даже пошел в милицию, рассказал о доме, который посетил однажды, но когда поехал показывать, где он расположен, так и не нашел его. Уютный особнячок точно сгинул.

Эту историю рассказывали и по-другому. Обратив Асю на путь истины и любви, отец Лука не мог устоять перед ее красотой и сделал ей предложение. Вскоре они поженились. Отец Лука снял сан и расстригся. Дети у них получались очень красивые, но все-таки не такие, как мама. Братия монастыря поначалу думала, что отец Лука погиб без возврата, близкие и чада его рыдали о нем, пока старец монастыря не сказал однажды за трапезой, как бы между прочим: «О Бореньке (мирское имя Луки) не скорбите, останется жив».

Метаморфозы

Марина работала девушкой для развлечений в одном известном казино. Она жила с двумя младшими братьями, мамой и парализованной бабушкой. Папа их давно бросил, мама любила выпить, и жить было не на что. А молодой девочке хочется счастья. И Марина стала подрабатывать: сначала время от времени в клубе, а последние три месяца – в казино, уже на постоянной основе. Она пользовалась успехом, у нее появились богатые покрови-

тели, и вскоре материальное положение семьи стало налаживаться. Бабушке Марина наняла сиделку, младшего брата перевела в другой садик, тоже пятидневку, но с хорошим питанием, а первоклассника-старшего – в параллельный класс с изучением компьютера, за который нужно было доплачивать триста рублей ежемесячно. Мама пила теперь не дешевый разливной портвейн, а молдавское. В принципе она была не такая уж пропащая, когда-то работала машинисткой, всюю перепечатывала самиздат, сама писала стихи, но потом, как многие поэтессы, спилась с круга. Так что сначала Марина была девочкой из интеллигентной семьи. Она даже начала откладывать себе деньги на учебу, потому что со временем хотела выучиться на массажистку или косметолога – еще не решила до конца.

Но тут в школе, поджидая Колю после состязаний по компьютерным играм, Марина разговорилась с одним многодетным родителем, который тоже ждал двух своих сыновей-близняшек, хотя вообще-то у него в каждом классе училось по ребенку, всего, кажется, восемь человек. Родитель предложил ей приводить Колю в их воскресную школу, в которой сам он был директором. «Занятия у нас ведут прекрасные педагоги, – сказал многодетный отец. – Лепку – скульптор, живопись – художница, хор – певица, а Закон Божий – дьякон».

Сначала Марина про этот разговор забыла, но через неделю многодетник снова ее позвал. И Марина для смеху привела Колю в воскресную школу. А пока Коля занимался, сидела в коридорчике с бабушками, мамами, редкими папами и слушала, о чем они говорят. Говорили они про детей, церковь, батюшек, искушения и грехи. И Марине интересно было это послушать – никогда раньше она не видела столько верующих людей одновременно. У них в казино многие девчонки тоже носили крестик, но в церковь не ходили, если только изредка, поставить свечку. В следующее воскресенье Марина чуть не проспала, но Коля так отчаянно будил ее и просился в эту, блин, воскресную школу, что пришлось встать. Так прошло несколько воскресений, и Марина узнала, что все-все, кто ждет своих детей в этом зале, ходят по субботам и по воскресеньям на церковную службу, на службе отстаивают по два часа столбиком, а потом еще ведут детей в воскресную школу и полдня ждут их в душном коридорчике. То есть полный улет!

Сама Марина каждый раз думала, что ведет Колю в последний раз, потому что водить его в эту воскресную оказалось жутко неудобно, субботний вечер и ночь были самым горячим временем, но Коля просто умолял ее и плакал, а матери-то с похмелья совсем уж было ни до чего, и Марина, абсолютно не выспавшаяся, все-таки перлась в эту школу учить мальчика лепке, рисунку и Закону Божьему. Утешало только то, что начиналось всё это в час, хоть чуть-чуть можно было отоспаться, и потом в коридорчике у нее появились новые подружки, особенно Ленка, мать двоих детей, спасибо хоть не восьми, что уже было признаком некоторой Ленкиной нормальности. Но и в другом Ленка была своей девкой и совсем молодой. В общем, они подружились. Как она зарабатывала на хлеб, Марина, разумеется, не афишировала.

Ленка стала давать Марине почитать всякие глупенькие религиозные книжечки: что нужно знать, когда приходишь на исповедь, таинство святого крещения, «Антихрист в Москве» и прочую пропаганду. Марина эти книжечки складывала в туалете и читала только там, потому что они были одно занудство – ни сюжета, ни страстной любви. Но Ленка Марину не оставляла и всё советовала ей познакомиться с батюшкой и задать ему все, какие у нее есть, вопросы. А у Марины не было вопросов никаких, просто скучно в коридорчике было сидеть и ждать Кольку, который даже до дома три остановки на метро доехать еще не мог, потому что Колька у них был с отклонениями. Но однажды у Марины в казино случился сильный облом, ее подставили, два дня подряд уводили перед носом выгодного клиента с согласия Гарика, их диспетчера, а потом этот самый Гарик и вовсе дал Марине понять, что ей в этом казино лучше не появляться. Прощайте, денежки! С горя Марина даже пошла знако-

миться с отцом Максимом. А отец Максим был просто смех один, двадцать пять лет, можно сказать, ровесник, самой-то ей исполнилось как раз двадцать.

Отец Максим навел Марину на мысль, что хорошо бы креститься, но Марина была уже крещеная – тогда еще не парализованная бабушка крестила ее мильон лет назад. «Покаяние – второе крещение», – ответил батюшка и, совершенно непонятно как, Марину убедил. Марина ему исповедовалась, и во время исповеди ей стало так стыдно, что слезы у нее катились градом и остановиться она не могла. Но она все-таки остановилась, так как упала в обморок, а в обморок она упала, потому что ей показалось, что сердце ей распирает какой-то жар или огонь, в общем, она вот-вот задохнется. Тут Марине дали нюхнуть нашатырного спирта, и она очнулась. Ну а дальше всё пошло вообще уже в непонятном направлении.

Огонь, который ее чуть не сжег, Марине очень понравился, но загорался он, хотя и не такой уже сильный, только когда Марина приходила на исповедь. И стала она стараться приходить на исповедь почаще. Клуб-казино накрылся, на учебу она так и не скопила, зато стала подрабатывать в храме уборщицей, и – после ее-то прежней жизни! – нравилось ей быть в храме уборщицей. И сильно она повеселела. Только вот денег опять не хватало. Но отец Максим, даром что молодой, все норовил ей выдать какие-то премии и велел на кухне каждую неделю снабжать ее продуктами. А сиделкой к бабушке стала приходить одна прихожанка, всё тем же батюшкой направленная, разумеется, за бесплатно, ради спасения души. Но вскоре бабушка умерла, батюшка ее отпел. Маринина мать так напилась с горя, что пришлось вызывать скорую. Зато после этого не пила два месяца.

А спустя еще полгода Марина ушла в монастырь, Ново-Голутвинский, в Коломне. Не хотелось ей замуж, надоели эти мужики до смерти, так что всё в общем понятно. И семья без нее не пропала. Младшенький ходит в прежнюю пятидневку, по пятницам приходит домой сам и уходит тоже сам, как на работу, потому что водить его некому. Мама Маринина снова попивает портвешку, хотя меру все-таки знает, может, по Марининым молитвам. В воскресную школу Коля теперь тоже ездит сам, так как отклонений у него стало сильно меньше, даже заикаться почти перестал. Обратно его, правда, провожает до дома Ленка с двумя своими дочками. И Коля стал в семье за старшего, а сестру всегда защищает, когда мать начинает ее материть, что нет в доме денег, и говорит маме вот что: «Вот исполнится мне десять лет, пойду торговать по поездкам газетами, а пока, сказали, мал еще, так что подожди, мама, до следующего года, осталось уже чуть-чуть».

Гомеопат

Один батюшка был гомеопатом. И пользовал прихожан весьма успешно, попутно преподавая проходящим к нему простые советы. Женщинам он говорил, что все женские болезни – от мини-юбок. А проблемы с щитовидкой – от декольте. Говорил без шуток, совершенно серьезно, так что все его прихожанки ходили чинно, в юбках до пят. И предпочитали водолазки.

Убийцы

У отца Афанасия было послушание – исповедовать сестер монастыря. Как-то раз к отцу Афанасию приехал отец Илья, старинный друг отца Афанасия по семинарии.

– О, как я мечтаю, – сказал отец Афанасий другу, когда они уже посидели немного за столом и хорошо закусили, – чтобы хоть одна монахиня нашего монастыря кого-нибудь убила.

– Что, что ты говоришь, батюшка! – замахал на него руками отец Илья.

– Не могу больше слушать, как подходят одна за одной, и все точно сговорились: «Батюшка, я в среду съела сардинку!»

Улица Мандельштама

Дьякон Григорий, выпускник Литературного института, страсть как любил Пушкина. Ну просто обожал. На проповедях, которые иногда ему поручали произносить, нет-нет да и ввернет стишок или какую цитату из своего любимого поэта, про Онегина и Машу Миرونнову говорил как про живых людей, а на ночь, после всех правил и поклонов, возьмет томик, да и почитает немножко и обязательно от умиления плачет – очень уж хорошо писал, сукин сын. Братия так и прозвала Григория – Пушкин.

Но однажды отцу дьякону приснился сон: огромное поле, желтое и пустое, видно, только сжали рожь, на меже лежат редкие колоски, и вот по этому колючему полю навстречу ему идет сам Александр Сергеевич, в сюртуке, с тросточкой, кудрявый, подвижный, весь такой знакомый и узнаваемый, а ветер отбрасывает кудряшки со лба. Но при этом Пушкин ужасно грустный. Дьякон так и сел.

– Александр Сергеевич, это вы?

– Ну я, – отвечал Пушкин.

– Почему же вы такой грустный? – чуть не заплакал отец Григорий.

Но Александр Сергеевич на это промолчал и посмотрел на него с еще большей печалью.

– Ах, Александр Сергеевич, да если б вы знали, какая у вас на земле слава!!! – закричал дьякон.

– Что мне слава?! – тихо отвечал Пушкин и опустил голову еще ниже.

– Но если не вы, если не вы, то кто же? – продолжал восклицать изумленный отец Григорий.

Тут Пушкин неожиданно распрямился, неясная улыбка пробежала по устам его, и одними лишь глазами он показал куда-то вверх, за дьяконову спину, – мол, ты лучше туда посмотри. Отец Григорий обернулся, поднял голову и увидел березку. На березке сидел Осип Эмильевич Мандельштам. И Мандельштам, наоборот, казался очень веселым, смеялся, махал ручками, будто он птичка, и словно что-то чирикал, только не по-человечески.

Тут батюшка проснулся.

Пушкина он с тех пор забросил, читает только Мандельштама и заучивает наизусть всё его собрание сочинений.

Цикл седьмой

Чтение на ночь в женском монастыре

Матушка Георгия в мире животных

Матушка Георгия, поступившая в монастырь в романтические 90-е и за пятнадцать лет превратившаяся из наивной девушки в зрелую монахиню, говорила так: «Нет ничего страшнее для женского монастыря, чем слова “послушание превыше поста и молитвы”. Через бездумное следование этому поучению многие в монастыре теряют любовь. Да и вообще человеческий облик». Она же говорила: «В монастырь приходишь пушистым зайчиком, но с годами превращаешься в колючего ежика. Иначе здесь не выживешь». С этими словами матушка хмурилась, сводила брови, а пальчики выставляла на слушателей, как ежовые колючки.

О милости божией

Матушка Филарета давно подозревала, что сестры в ее монастыре спасаются плохо. Да и сами сестры подливали масла в огонь: что это, мол, матушка, целый день мы на послушании, на службы не ходим, молиться некогда совершенно. Хорошо еще, если послушание тихое, в библиотеке какой-нибудь, а если в коровнике? Мычанье, навоз – какая уж тут молитва, не сосредоточиться, ничего. В келью приходим поздно, только и успеваешь раздеться да повалиться спать. Нечего даже правило вечернее вычитать! Разве это монашество? Раньше на это у подвижников вон сколько было времени.

Долго думала матушка. И придумала. Обошла вокруг всю территорию монастыря и остановилась у брошенной баньки. Банька осталась от прежних хозяев, сейчас в ней никто не мылся, а внутри лежал разный хлам. Матушка велела баньку очистить, выкинуть мусор и помыть полы. Всё исполнили по ее приказу. Вот, объявила матушка сестрам на трапезе, это будет наш затвор. Заходи по одному.

Затвор продолжался неделю. Сестре выдавались Священное Писание, молитвослов, Псалтырь, подходящая минея и типикон. А также одно шерстяное одеяло. Под одеялом можно было спать, а можно было и постелить его на жесткую деревянную полку баньки. Подушкой должна была служить рука, согнутая в локте. Других постельных принадлежностей не выдавалось. Спать разрешалось подряд три часа и подниматься на молитву. За этим следили две специально поставленные на страже сестры. Они по очереди дежурили снаружи, подглядывали в дырку и, если затворница засыпала, стучали в ведро и будили ее. Те же дежурные приносили затворнице раз в день пищу.

Составили четкий график, и получилось, что за год все сестры хоть раз побывают в затворе. Только дело как-то не то чтобы не пошло, а несколько застопорилось. Первой отправили матушку Иулианию из трапезной – в прошлом журналистка, красавица, она была самая разговорчивая и часто возмущалась монастырскими порядками. Исцелить гнойные раны, нанесенные ее душе гордостью и самомнением, матушка и решила в первую очередь. Но на четвертый день затвора мать Иулиания начала издавать странные звуки, всё громче и громче. Что она имела в виду, было неясно – разговаривать с затворницей не полагалось. Но она и сама, кажется, не стала бы разговаривать, потому что, собственно, просто ужасно выла. Стражницы пожаловались матушке. Матушка приказала выждать еще сутки, а пока начать читать об Иулиании суточную Псалтырь. Не прошло и дня, как мать Иулиания замолчала. Видно, подействовала молитва сестер. Правда, вечером Иулиания не подошла к окошечку

принять пищу, и наутро тоже. Тогда уж все совсем всполошились и все-таки открыли затвор, на день раньше. Мать Иулиания сначала выходить не хотела, все мотала головой – говорить она точно разучилась, но ее вывели за руку, и она послушно пошла. На матушкины расспросы, угрозы и уговоры ничего не отвечала, только смотрела голубыми остановившимися глазами. Делать было нечего, мать Иулианию отправили в монастырский лазарет и возобновили чтение Псалтыри о ее несчастной душе. Через два дня она за молитвы матушки и сестер очнулась, стала почти прежней. Только с тех пор не любила закрытых помещений, все норовила приоткрыть хоть форточку, но это и у нормальных людей бывает, клаустрофобией называется.

Пока мать Иулиания приходила в себя, в затвор отправили следующую сестру. Эта вызвалась сама, вне очереди, дабы посрамить дьявола, так явно посмеявшегося над Иулианией. Мать Мастононта провела затвор на отлично. Молилась, постилась и вышла совершенно нормальной, только чуть похудевшей, но быстро отъелась и на вопрос, были ли искушения, отвечала, что одно только было искушение – очень хотелось под конец спать. После удачи Мастононты матушка-игуменья сильно взбодрилась, но со следующей сестрой опять случилась неприятность. Она вышла вроде нормальной, только почти сразу после затвора слегла в больницу с инфарктом, а там и вовсе умерла.

Так и пошло. Одна-две нормально, а третья обязательно или в уме помрачится, или заболит, или из монастыря после затвора уйдет. Или даже не уйдет, но целый день после освобождения смеется. И остановить ее невозможно.

Тогда матушка снова собрала сестер на трапезе и сказала: «Молиться вам еще рано. Лучше уж работайте, как работали, и не ропщите». Тем по неизреченной милости Господней и кончилось дело.

Сладкая жизнь

Как-то раз, когда затвор еще не отменили, но надзора над затворницами почти уже не было – их просто запирали снаружи на ключ, – в избушку на курьих ножках отправили мать Софью, между прочим – выпускницу Щуки. Через несколько дней ее ближайшие подружки, матушка Георгия и матушка Надежда, решили укрепить узницу в ее заточении. Душевно, но главное, телесно. Заранее подобрав ключ, матушки взяли с собой побольше сладостей, конфеток, бутербродов, любимого мать-Софьиного томатного сока и поближе к вечеру тихонько забрались к ней в гости. Только сестры разложили угощение и начали пир – стук в дверь! Что делать? Быстро покидали обратно в сумку все сладости, затолкали ее под широкую банную полку, спустили до полу одеяло, туда же нырнула и худенькая матушка Надежда. А мать Георгия встала за занавеску.

Тут в затвор вошла уставщица, инокиня, объясняющая, какие молитвы и по каким книгам затворнице читать дальше. Мать Софья встретила ее ни жива ни мертва. А мать Надежда, сжавшаяся под полкой, страшная хохотушка, только и делала, что кусала себе пальцы, чтобы не засмеяться. Но от этого ей было еще смешней. И она фыркнула. Уставщица насторожилась.

– Ой, матушка, – заголосила мать Софья. – Такие страхования, такие страхования! То будто стучит кто-то, то вздыхает, то стонет! Только молитвой и гоню их, проклятых. А то и за ноги иногда хватает!

Тут из-за занавески раздался звук, сильно напоминающий хрюканье, – это не выдержала мать Георгия.

Мать уставщица уже медленно пятилась назад, но наткнулась спиной на полку, и вот ведь искушение – только в затворах такое бывает: мать Надежда не выдержала и слегка ущипнула гостью за ногу! Уставщица закричала так, будто ее режут. Выбежала из баньки –

и прямиком к игуменье. В затворе дело нечисто. Фырканья, хрюканья, щипки! Краем глаза она заметила, что и занавеска колыхалась как-то очень странно!

Подозрительная игуменья поспешила за уставщицей прояснить ситуацию. В отличие от уставщицы, она подергала занавески, не поленилась наклониться и посмотреть, что делается под полкой... Никого, ничего. Сестры, конечно, успели убежать. Зато уставщице досталось. Нечего зря воду баламутить! Кто у меня после твоих сказок в затвор пойдет? Тщетно пыталась оправдаться уставщица и свалить всё на мать Софью, напрасно разводила руками. Следующей в затвор пошла именно она. А мать Софья вскоре согласилась даже затвориться вне очереди. «Лучшие минуты в монастыре...» – мечтательно качала она головой, вспоминая о своем сладком затворе.

Царевна-лягушка

Жила-была на свете игуменья Раиса. Когда-то была она доброй, хорошей женщиной, но вот стала игуменьею – и точно ее подменили. Никого она больше не любила, ни с кем дружбы не водила. Плохо жилось при ней сестрам, скорбно и тягостно. Но не всем. Были у матушки приближенные, благочинная и казначейша, как-то они умели матушке угодить, хотя и сносили от нее немало. Хуже же всех было опущенным, тем, кто когда-то в чем-то провинился, не угодил игуменье, сказал поперек или вовремя не поклонился – их ненавидела матушка Раиса лютой ненавистью и сживала со свету как могла. Велела не передавать им посылок и писем, не отпускала в город к врачам, натравливала на них сестер, заставляла исполнять мужскую работу, носить бревна, рубить дрова, не позволяла ходить на службу, пока не будет всё сделано, и они месяцами не бывали в храме. А на всякий их ропот отвечала одно: «Послушание превыше поста и молитвы. Вы монахини или кто?»

Кто-то из этих отверженных менял монастырь, кто-то уезжал домой и в озлоблении сердца вовсе переставал ходить в церковь, другие заболели от непосильного труда и оставались инвалидами на всю жизнь, четвертых же матушка прощала. Но заслужить прощение было очень трудно. Так и текла себе монастырская жизнь, никому не ведомая, внешне тихая и спокойная, пока в опущенные не попала послушница Анна. Тут уж, видно, настал час воли Божией.

Анна была родом из Питера, работала учительницей физики, и вот, в тридцать лет от роду, пришла в монастырь. Жила она здесь уже третий год, работала на разных послушаниях, в последнее время – в швейной мастерской, известна была ровностью и веселостью характера, данные имела неплохие, анкету хорошую, пора было ее уже куда-нибудь пристроить, может быть, постричь и повесить, а может быть, понизить и не постричь. И вызвала игуменья Анну к себе.

– Столько лет уже в монастыре, а всё послушница. Потому что нет у тебя правильного руководства, – объяснила Анне игуменья. – Хочу взяться за тебя сама и как мать твою хочу выслушать, какие у тебя помыслы, что отягощает твою душу, в чем ты согрешила. Я слушаю.

Анна же молчала.

– Слушаю, – строго повторила игуменья.

– Матушка, благодарю вас за заботу и материнскую помощь, но вчера вечером я уже исповедовалась и все мои помыслы, все грехи рассказала отцу Анатолию, а новых помыслов у меня пока не накопилось...

О глупое и неразумное, о наивное и бессмысленное чадо! Как отвечало ты своей начальнице? Так ли должно было говорить с главной о глупой твоей душе попечительницей, заменившей тебе родную мать? Сама привела ты себя к гибели, ложным своим простодушием (личиною гордости) и бесхитростностью ответа, сама!

– Не накопилось? Не накопилось? – закричала игуменья в страшном гневе и затопала ногами.

– Хочешь научиться шить облачения? – продолжала кричать матушка, припоминая их давний с Анной разговор. – Ты у меня научишься! Завтра же пойдешь в коровник.

И кричала еще долго, приводя цитаты из святых отцов, называя Анну свиньей, тварью, преступницей и прочими бранными словами. Но Анна даже не заплакала. Тварь.

На следующий день она отправилась в коровник. И хоть бы что. Коровы Анну полюбили: стоило ей войти в хлев, как они начинали дружно мычать, точно приветствуя ее, а телята бросались лизать ей руки и боты. Анна же только смеялась. Так прошло несколько месяцев. Трудная работа будто не изнуряла, а только веселила ее.

Тогда Анну переселили в сырую келью, в которой капало с потолка и отслаивалась штукатурка. Анна сначала поставила тазик, а потом где-то раздобыла штукатурку и потолок залатала. Тогда матери Иоасафе тайно было поручено пускать к Анне в келью тараканов, семьями, одну за одной, но Анна называла тараканов ребятками, подкармливала хлебом, и сама же Иоасафа однажды подглядела, как вечером, незадолго до сна, тараканы по Анниной команде ровным строем отправились по подоконнику в раскрытое окошко, на растущее у кельи дерево – ночевать. Матушка игуменья в ответ на эту историю, разбив вазу, крикнула: «Бабьи басни! На улице ноябрь, ноль градусов!»

И отправила Анну на стройку, разнорабочей. Анна опять ничего. Носит в ведре цемент, лицо веселое, будто она в доме отдыха, а не на тяжелой работе. И хоть бы насморк ее прошиб! Никакого насморка. Тут игуменья подговорила сестру, в прошлом медика, исполнявшую послушание монастырского врача, повнимательней осмотреть Анну и найти у нее слабые места. Выяснилось, что в юности у Анны были нелады с сердцем. Тогда игуменья послала ее в прачечную, в пар, жар; подолгу там никто не выдерживал. Сестры работали в прачечной по жесткому графику, не больше месяца в год. Анна проработала полгода – и опять как ни в чем не бывало! И стало мать Раису это ужасно мучить, что никак ей не удастся довести Анну до того же состояния, что и всех. Остальные опущенные все-таки ходили бледные, изможденные, при виде матушки начинали дрожать и тут же падали на колени, хоть в грязь, хоть в снег. Только такими земными поклонами и можно было заслужить у нее прощение – это все знали. И из таких прощенных и выходили самые лучшие доносчицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.